Подається РОСІЙСЬКОЮ мовою

ВСТУПЛЕНИЕ, ПО ВОЗМОЖНОСТИ КРАТКОЕ

Что же я хотел сказать? Ах да, припоминаю.

История, которую я расскажу на сей раз, в высшей степени примечательна. Во-первых, она примечательна тем, что примечательна, а во-вторых, тем, что произошла в действительности. Около полугода назад я прочел о ней в газете. Ага, подумаете вы, и присвистните сквозь зубы: ага, выходит Кестнер ее украл!

Да ничего подобного!

В той, газетной, истории было от силы строк двадцать. Она была такой коротенькой, что мало кто и прочел ее. Так себе, махонькая заметка, в которой говорилось, что такого-то числа в Берлине произошло то-то и то-то. Я тут же взял ножницы, вырезал заметку и аккуратненько положил ее в коробку, где храню всякие интересные штучки. Эту коробку для интересных штучек мне склеила Рут. На крышке изображен паровоз с ярко-красными колесами, рядом с ним два темно-зеленых дерева, а над ними три белых облака, круглых как снежки. Все это из настоящей глянцевой бумаги, красотища! Тем нескольким взрослым, которые прочли эту историю, она, конечно же, не запомнилась. Для них она была как бы деревяшкой. Вы спросите, что еще за деревяшка? Мне это видится следующим образом:

Если маленький мальчик, найдя возле печки полено, скажет полену "Но!", тогда это уже не полено, а лошадь, настоящая живая лошадь. И даже если старший брат при виде полена скажет, покачав головой: "Да никакая это не лошадь, а ты уж точно – осел!", то это ничегошеньки не изменит. Примерно так же обстоит и с моей газетной заметкой. Другие

люди говорили: "Подумаешь, какая-то заметка в двадцать строк!" А я шептал себе под нос: "Фокус-покус" и вот получилась целая книжка!

Все это я рассказываю вам по вполне определенной причине. Когда пишешь всякие истории, то тебя частенько спрашивают: "Эй, послушайте, то, что вы тут понаписали, и вправду было?" Особенно дети, они всегда хотят знать все в точности. А ты стоишь как дурак и щиплешь свою бородку. Конечно, многое в этих историях было на самом деле, но ведь не все же! Нельзя же постоянно носиться за людьми с записной книжкой в руках и со стенографической точностью, до последней мелочи, записывать все, что они говорят или делают. Человек, когда с ним что-то случается, даже не подозревает, что об этом когда-нибудь будут писать! По-моему, тут все совершенно ясно?

Но многие читатели, большие и маленькие, могут подбочениться и сказать: "Многоуважаемый господин писатель, если все, что вы тут понаписали, чистой воды выдумка, то нам на вашу писанину наплевать!" В таком случае я бы ответил: "Было на самом деле или не было, какая разница? Главное, что история-то подлинная. А подлинной история считается в том случае, если события, в ней изложенные, могли происходить в действительности. Понятно?" Если вы это поняли, значит, вы постигли важнейший закон искусства. А если не поняли, тоже ничего страшного. На этом вступление заканчивается, ура!

Мне по собственному опыту известно, что многие дети обожают читать всякие рассуждения, вроде моих рассуждений про полено и лошадь, про действительность и правду. А других детей надо три дня кряду кормить овсяным отваром, прежде чем они отважатся взяться за такое мудреное чтение. Они боятся, что их маленькие хорошенькие мозги могут от этого сморщиться. И что им тогда прикажете делать?

Я знаю выход. Просто все, что в этой книжке будет связано с рассуждениями, я буду собирать в отдельные подглавки, а человека, который будет печатать мою книгу, я попрошу эти мои "Рассуждения" набирать другим шрифтом, нежели саму книгу. Пусть печатает

"Рассуждения" курсивом, в точности как это вступление. И вы, увидев курсив, сразу сможете пропустить это место, словно его и вовсе нет. Дошло? Надеюсь, все вы понимающе киваете головами.

Так что же я еще хотел сказать? Ах да, вспомнил. Я хотел сказать: история начинается.

Глава первая

КНОПКА ЛОМАЕТ КОМЕДИЮ

Когда господин директор Погге вернулся домой к обеду, он, как вкопанный, замер на пороге гостиной: его дочь Кнопка, стоя лицом к стене, беспрерывно делала книксен, как-то жалобно скуля при этом. "Может, у нее живот болит", – подумал отец. И все-таки не тронулся с места и затаил дыхание. Кнопка протягивала руки к оклеенной серебристыми обоями стене, приседала и говорила дрожащим голосом:

– Спички! Купите спички, господа?

Рядом караулил Пифке, коричневая Кнопкина такса. Склонив голову набок, он дивился происходящему и постукивал хвостом в такт Кнопкиным мольбам. А Кнопка все причитала:

– Будьте милосердны к бедным людям. Всего десять пфеннигов за коробок!

Пифке почесал себя за ухом. Вероятно, он счел, что цена слишком высока, или же пожалел, что у него нет при себе денег.

Кнопка еще выше воздела руки, еще ниже присела и пролепетала:

– Мамочка такая молодая, а уже совсем ослепла. Три коробка за двадцать пять. Благослови вас Бог, сударыня!

Видимо, стена купила у нее три коробка.

Господин Погге громко рассмеялся. Такого он еще не видел. Его родная дочка стоит в гостиной, убранство которой обошлось в три тысячи марок и просит милостыни у обоев. Кнопка, услышав чей-то смех, не на шутку перепугалась, резко обернулась и увидев отца, поспешила удрать. Пифке безучастно потрусил за ней.

– Да вы что, совсем тут все рехнулись? – спросил отец, но ответа не получил. Тогда он направился к себе в кабинет. На письменном столе лежали письма и газеты. Он сел в глубокое кожаное кресло, закурил сигару и начал читать.

Вообще-то Кнопкино настоящее имя – Луиза. Но так как в первые годы жизни она плохо росла, ее прозвали Кнопкой. И по сей день так зовут, хотя она давно уже ходит в школу и теперь вовсе не так уж мала ростом.

Ее отец, господин Погге – директор фабрики, выпускавшей зонты и трости. Он зарабатывал много денег, но и работал тоже много. Впрочем, его жена, Кнопкина мать, придерживалась иного мнения. Она полагала, что зарабатывает он слишком мало, а работает слишком много. Он всегда говорил: "Женщины ничего в этом не смыслят!" Но она ему не верила.

Они жили в большой квартире неподалеку от набережной Рейхстага. Квартира из десяти комнат была так велика, что Кнопка иной раз возвращаясь после еды к себе в детскую, успевала снова проголодаться. Так длинна была дорога!

Раз уж мы заговорили о еде – господин Погге был голоден. Он позвонил. Вошла толстая Берта – экономка.

– Прикажете мне с голоду помирать? – раздраженно осведомился господин Погге.

– Боже упаси! – воскликнула Берта. – Но хозяйка еще не вернулась и я думала…

Господин Погге встал.

– Если вы еще раз что-нибудь подумаете, то завтра не получите выходного! – сказал он. – Живо! Подавайте на стол! И позовите фройляйн и Кнопку!

Толстая Берта мгновенно выкатилась из кабинета.

Господин Погге первым явился в столовую. Достал таблетку и, скривившись, запил ее водой. Он глотал таблетки при первой возможности. Перед едой, после еды, перед сном и утром, спросонья. Таблетки были то плоские, то как шарики, то квадратные. Кто-нибудь может подумать, что ему это доставляло удовольствие. Но все дело было в его больном желудке.

Затем в столовую вошла фройляйн Андахт. Фройляйн Андахт была гувернанткой. Очень высокая, очень тощая и совершенно безумная девица. "Видно, в детстве ее уронили на пол", – любила говаривать толстая Берта. Андахт и Берта с трудом выносили друг друга. Раньше, когда у Погге еще не было гувернантки, а только няня Кэти, Кнопка вечно торчала на кухне с Кэти и Бертой. Они вместе лущили горох, Берта частенько брала с собой Кнопку за покупками и рассказывала ей про своего брата, который жил в Америке. И Кнопка всегда была бодра и весела, не то, что при этой полоумной Андахт. У нее ребенок совсем с личика спал.

– Моя дочь что-то очень бледна, – озабоченно сказал господин Погге. – Вы не находите?

– Нет, – отвечала фройляйн Андахт. Берта, подававшая суп, рассмеялась.

– Над чем вы так глупо смеетесь? – спросил хозяин дома, поедая суп так усердно, словно ему за это платили. Но внезапно он выронил ложку, прижал к губам салфетку и ужасно закашлялся, указывая рукой на дверь.

В дверях стояла Кнопка. Но, Боже правый, что у нее был за вид!

Она напялила на себя красную домашнюю куртку отца, а под нее запихала подушку, так что больше всего походила на чайник, но только старый и гнутый. Тонкие голые ноги, торчавшие из-под куртки, смахивали на барабанные палочки. На голове у девочки красовалась выходная Бертина шляпа. Вполне безумная шляпа из пестрой соломки. В одной руке Кнопка держала скалку и раскрытый зонтик, а в другой бечевку. Бечевка была привязана к сковородке, которая с дребезжанием волочилась за девочкой, а в сковородке сидел Пифке и морщил лоб. Впрочем, лоб он морщил не оттого, что был не в духе, а оттого, что на голове у него было слишком много кожи. А поскольку кожа не знала, куда ей деваться, она шла волнами, точно уложенная у парикмахера.

Кнопка обогнула стол, остановилась возле отца и совершенно серьезным тоном спросила, испытующе глядя на него:

– Вы разрешите взглянуть на ваш билет?

– Нет, – отвечал отец. – Разве вы меня не узнаете? Я же министр путей сообщения.

– Ах вот как! – проговорила Кнопка.

Фройляйн Андахт вскочила и, схватив Кнопку за воротник, принялась раздевать и разоружать ее, покуда та вновь не обрела вид нормального ребенка. Толстая Берта подхватила сброшенные одежки, скалку, зонтик и унесла в кухню. Там она еще долго смеялась. И это было явственно слышно.

– Как дела в школе? – спросил отец. Но так как Кнопка не ответила, болтая ложкой в тарелке с супом, он сразу же задал следующий вопрос: – Сколько будет трижды восемь?

– Трижды восемь? Трижды восемь это сто двадцать разделить на пять, – сказала она.

Директор Погге несказанно удивился. Произведя подсчет в уме и признав, что ответ верный, он продолжал есть. Пифке взобрался на пустой стул, уперся передними лапками в стол и наморщив лоб, убедился, что все исправно едят суп. Казалось, он намерен держать речь. Берта принесла курицу с рисом и дала Пифке пинка. Песик, неправильно ее поняв, взобрался на стол. Кнопка, спустив таксу на пол, заявила:

– Больше всего на свете мне хотелось бы иметь двойняшку.

Отец с сожалением пожал плечами.

– А это было бы здорово! – продолжала девочка. – Мы бы ходили одинаково одетые, у нас были бы одинаковые волосы, один и тот же номер обуви, одинаковые платья и совершенно одинаковые лица.

– Ну и что из этого? – спросила фройляйн Андахт.

А Кнопка, мысленно рисовавшая себе заманчивые картины с двойняшками, просто стонала от удовольствия.

– Никто бы не знал, где я, а где она. Например, кто-то думает, что это я, а это оказывается она. Или, наоборот, думают, что это она, а это оказываюсь я. Вот был бы блеск!

– Немыслимое дело! – заметил отец.

– И если, например, учительница вызовет "Луиза!", я встану и скажу: "Нет, я не Луиза!" Тогда учительница как закричит: "Сесть!", вызовет мою двойняшку и напустится на нее: "Ты почему не встаешь, когда тебя вызывают, Луиза?" А та скажет: "Я не Луиза, я Карлинхен!" И пожалуйста – через три дня у учительницы начнутся судороги, ее отправят лечиться в санаторий, а у нас будут каникулы.

– Близнецы часто совсем не похожи друг на друга, – вставила фройляйн Андахт.

– К нам с Карлинхен это не относится, – возразила Кнопка. – Такого сходства вам еще не приходилось видеть. Даже сам директор не смог бы нас различить.

Директор – это ее отец.

– Мне и тебя одной за глаза хватает, – сказал директор и положил себе еще курицы.

– А что ты имеешь против Карлинхен? – спросила Кнопка.

– Луиза! – закричал он.

Когда он называл ее Луизой, следовало повиноваться, иначе мог выйти скандал. Итак, Кнопка молча ела курицу с рисом и тайком строила рожи Пифке, сидевшему с нею рядом, да такие рожи, что он в конце концов затряс головой от омерзения и умчался в кухню.

Они уже ели десерт – а на десерт были сливы ренклод – когда, наконец, появилась фрау Погге. Это была хоть и очень красивая, но – строго между нами! – довольно-таки несносная особа. Берта, экономка, как-то сказала горничной из другого дома: "Мою бы хозяйку, да мокрой тряпкой! Хрясь, хрясь! У ней такая милая потешная девчонка и такой славный муж, и ты думаешь, она о них заботится? Как бы не так! Целыми днями разъезжает по городу, что-то покупает, потом меняет, вечно ходит куда-то на чашку чаю, на показы мод, а по вечерам еще таскает за собой своего несчастного мужа. Шестидневные велосипедные гонки, театры, кино, балы, такая кутерьма, что чертям тошно! А домой и носа не кажет! Впрочем, это не так уж плохо!"

Итак, фрау Погге вошла, села за стол и обиделась. Собственно говоря, ей следовало бы извиниться за опоздание. Но вместо этого она обиделась, что ее не подождали с обедом. Господин Погге опять принял таблетки, на сей раз квадратные, скривился и запил их водою.

– Не забудь, что вечером мы приглашены к генеральному консулу Олериху, – напомнила жена.

– Не забуду, – сказал господин Погге.

– Курица совершенно остыла, – пожаловалась она.

– Ясное дело, – сказала толстая Берта.

– У Кнопки много уроков? – спросила мать.

– Нет, – ответила фройляйн Андахт.

– Детка, да у тебя зуб шатается! – воскликнула фрау Погге.

– Ясное дело! – ответила Кнопка.

Господин Погге поднялся из-за стола.

– Я уже понятия не имею о том, что у нас в доме делается по вечерам.

– Но ведь вчера вечером мы были дома, – возразила его жена.

– Да, но у нас были Брюкманы, – заметил он, – и Шраммы, и Дитрихи, тьма народу.

– Так все-таки были мы вчера вечером дома или не были? – спросила она, не спуская с мужа пристального взгляда.

Господин директор Погге из осторожности предпочел не отвечать ей и направился в свой кабинет. Кнопка последовала за ним и они оба уселись в большое кожаное кресло, вполне просторное и для двоих.

– У тебя зуб шатается? Больно? – спросил отец.

– Ни капельки! Я его как-нибудь вырву, может, прямо сегодня!

В этот момент у дверей дома раздался гудок автомобиля. Кнопка пошла проводить отца до машины. Господин Холлак, шофер, приветствовал Кнопку. Она тоже поздоровалась с ним. Она все сделала точь-в-точь как он, даже поднесла руку к козырьку, хотя на ней не было фуражки. Отец сел в машину. Машина тронулась. Отец помахал Кнопке на прощание. И она тоже помахала ему.

Она уже собиралась вернуться в дом, как на пороге вырос Готфрид Клеппербейн, привратницкий сын, отъявленный мерзавец.

– Эй, ты! – обратился он к девочке. – Дашь мне десять марок, я тебя не выдам. А не дашь, все расскажу твоему папаше.

– Это что же? – простодушно осведомилась Кнопка.

Готфрид Клеппербейн грозно загородил ей дорогу.

– Сама знаешь, не строй из себя дурочку, дорогуша!

Кнопка хотела войти в дом, но он не пускал ее. Тогда она встала рядом с ним, заложив руки за спину и подняла удивленный взор к небу, словно заметила там то ли дирижабль, то ли майского жука на коньках, то ли еще что-то в этом роде. Мальчишка, конечна же, тоже поднял глаза, и тут она пулей пронеслась мимо него, так что Готфрид Клеппербейн, как говорится, остался с носом. Очень удачное выражение!

РАССУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ

О ДОЛГЕ

Уже в первой главе появилось довольно много действующих лиц, не правда ли? Посмотрим, удалось ли нам всех запомнить. Итак, господин директор Погге, его дражайшая супруга, Кнопка, тощая фройляйн Андахт, толстая Берта, Готфрид Клеппербейн и Пифке, маленькая такса. Таксы, правда, не считаются людьми. Увы.

А теперь я вот что хочу спросить: кто из персонажей вам понравился, а кто нет? Если бы меня спросили, я бы сказал: мне ужасно нравятся Кнопка и толстая Берта. Относительно господина Погге я пока не могу сказать ничего определенного. Но мать Кнопки мне ужасно не

понравилась. Я таких женщин терпеть не могу. Если она не заботится о муже, то зачем, спрашивается, вышла за него замуж? Если не заботится о своей дочке, то зачем, спрашивается, произвела ее на свет? Эта женщина попросту пренебрегает своим долгом. Разве я не прав? Неужели так уж дурно, что она любит ходить в театр, в кино или даже на шестидневные велосипедные гонки? Но ведь она еще и мать Кнопки. И жена господина Погге. И ежели она об этом забывает, то пусть себе катится к черту!

Верно?

Глава вторая

АНТОН ДАЖЕ УМЕЕТ ГОТОВИТЬ

После обеда у фрау Погге началась мигрень. Мигрень – это головные боли, даже если голова вовсе и не болит. В таких случаях толстая Берта должна опускать в спальне жалюзи, чтобы там было темно, как ночью. Фрау Погге улеглась в постель и сказала фройляйн Андахт:

– Пойдите погуляйте с девочкой. И непременно возьмите с собой собаку! Мне необходим покой. И смотрите, чтобы ничего не случилось!

Фройляйн Андахт направилась в детскую, за Кнопкой и Пифке. И угодила в самый разгар театрального представления. Пифке лежал в Кнопкиной кровати, так что виден был только его нос. Он как раз играл волка, только что сожравшего бабушку Красной Шапочки. Он, правда, не знал этой сказки, но роль свою исполнял недурно. Кнопка стояла возле кровати в красном берете и с Бертиной рыночной корзинкой на руке.

– Бабушка, – удивленно говорила она, – почему у тебя такой большущий рот?

Затем, изменив голос, устрашающе зарычала:

– Чтоб лучше съесть тебя!

Кнопка опустила корзинку на пол, подошла вплотную к кровати и, точно суфлер в театре, прошептала на ухо Пифке:

– Вот теперь ты должен меня съесть!

Пифке, как уже было сказано, не знал сказку про Красную Шапочку, поэтому он только перевалился на бок и не сделал того, что было велено.

– Сожри меня! – настаивала Кнопка. – Будешь ты меня жрать или нет? – Кнопка топнула ногой и закричала: – Ты что, оглох, окаянный пес? Ты просто обязан меня сожрать!

Пифке рассердился, вылез из-под одеяла и усевшись на подушке залаял во весь голос.

– Ну ни капли таланта! – возмутилась Кнопка. – Никудышный из тебя артист!

Фройляйн Андахт надела Пифке, не подозревающему о том, что он волк, ошейник, прицепила поводок, напялила на Кнопку синий плащ с золотыми пуговицами и сказала:

– Надень панаму, мы идем гулять.

Вообще-то Кнопка предпочла бы надеть берет, но фройляйн Андахт пригрозила:

– В таком случае ты не пойдешь к Антону.

И это подействовало.

Они вышли из дому. Пифке сразу же уселся на мостовой, так что гувернантке пришлось изо всех сил тянуть его.

– Опять он не желает ходить! – сказала фройляйн Андахт и взяла его на руки. Теперь он висел у нее под мышкой наподобие попавшего в аварию носового платка, и недовольно сверкал глазами.

– На какой улице живет Антон, ты запомнила?

– Артиллериштрассе, пятый этаж, направо.

– А номер дома?

– Сто восемьдесят разделить на пять, – отвечала Кнопка.

– Почему ты просто не скажешь: тридцать шесть? – поинтересовалась гувернантка.

– Так легче запоминается, – заявила Кнопка. – Кстати, Берта, кажется, что-то пронюхала, она говорит, что в доме уходит прорва спичек, как будто их кто-то жрет. Только купит, а их уже нет. Надо надеяться, все останется в тайне. Этот Клеппербейн опять мне угрожал. Требует десять марок, а не то он нас выдаст. Если он расскажет директору… Ой, такое будет!…

Фройляйн Андахт ничего ей не ответила. Во-первых, она по природе была не слишком разговорчива, а во-вторых, ей эта тема очень не нравилась. Они шли вдоль Шпрее, затем перешли ее по небольшому железному мосту, поднялись к Шиффбауэрдамм, обошли слева Фридрихштрассе, свернули вправо, за угол, и очутились на Артиллериштрассе.

– Какой ужасный старый дом, – заметила гувернантка. – Смотри там не провались куда-нибудь!

Кнопка рассмеялась, взяла Пифке на руки и спросила:

– Где мы потом встретимся?

– Ровно в шесть зайдешь за мной к Зоммерлатте.

– Вы там опять будете танцевать со своим женихом, да? Передайте ему привет. И счастливо вам поплясать!

На этом они расстались. Фройляйн Андахт отправилась танцевать, а Кнопка вошла в незнакомый дом. Пифке заскулил, видно дом ему пришелся не по нраву.

Антон жил на пятом этаже.

– Вот здорово, что ты пришла! – обрадовался он.

Поздоровавшись, они еще довольно долго топтались в дверях. На мальчике был большой синий фартук.

– Познакомься, это Пифке, – представила таксу Кнопка.

– Очень приятно, – сказал Антон и погладил песика.

И опять они молча топтались на месте.

– Ну, давай же войдем в квартиру, – решилась наконец Кнопка.

Они оба рассмеялись и Антон повел ее за собою. И привел на кухню.

– Мне надо обед готовить, – объяснил он.

– Ты умеешь готовить? – поразилась Кнопка, да так и осталась с открытым ртом.

– Ну да, – сказал он, – а что же делать? Мама уже давно хворает, и я готовлю, как только приду из школы. Не голодать же нам, правда?

– Ладно, я не буду тебе мешать. Кнопка спустила с рук Пифке, сняла плащ и панаму.

– Ты готовь, а я буду смотреть. Что у вас сегодня на обед?

– Картофельная солянка – это картошка, тушеная с кореньями и солеными огурцами, – ответил он, взял хваталку и подошел к плите. На плите стоял котелок. Антон поднял крышку, ткнул вилкой в картошку, удовлетворенно кивнул и сказал: – Ей сейчас уже гораздо лучше.

– Кому? – спросила Кнопка.

– Маме. Она сказала, что собирается завтра встать на часок-другой. А на той неделе, может быть, уже пойдет на работу. Она уборщица, ты же знаешь.

– Ага, – сказала Кнопка. – А моя мама совсем ничего не делает. Сейчас, например, у нее мигрень.

Антон тем временем взял два яйца, разбил их над миской, скорлупу выбросил в угольный ящик, добавил в миску воды, затем всыпал туда что-то белое из кулька и хорошенько все перемешал.

– Боже ж ты мой, теперь будут комья! – воскликнул он огорченно.

Пифке пошел прогуляться к угольному ящику, а заодно и проведать яичные скорлупки.

– Зачем ты туда всыпал сахар? – поинтересовалась Кнопка.

– Да это была мука! – отвечал Антон. – Я делаю яичницу-болтушку, а если в нее добавить воды и муки, то ее получается больше.

Кнопка понимающе кивнула.

– А сколько соли кладут в картофельную солянку? – осведомилась она. – Целый фунт или только полфунта?

Антон расхохотался.

– Меньше, много меньше! Воображаю, какой был бы вкус! Нет, только щепотку-другую.

– Ну, конечно, – проговорила Кнопка, не сводя с него глаз.

На вторую конфорку Антон поставил глубокую сковородку с ручкой, положил туда маргарин, и когда он зашипел, вылил туда же взбитые яйца.

– Антон, не забудь посолить! – наказал он сам себе, взял щепотку соли и посыпал ею желтую жидкость, кипевшую в сковородке. Когда она немного пропеклась, он ловко взболтал ее ложкой.

– Так вот почему она называется болтушкой! – догадалась девочка.

– Ты еще немножечко помешай! – распорядился Антон, сунул девочке ложку и Кнопка заняла доверенный ей пост.

Антон же двумя шерстяными хваталками взял котелок с картошкой и слил воду.

– За картофельной солянкой надо внимательно следить, а то переварится и превратится в кашу, – сказал он и разложил картошку на две тарелки.

Но Кнопка его не слышала. Она мешала болтушку с таким усердием, что у нее даже рука заболела. Пифке между тем играл в футбол яичной скорлупкой.

Антон выключил газ, разложил болтушку на две тарелки, вымыл руки и снял фартук.

– Вчера вечером мы не смогли прийти, – сказала Кнопка. У нас были гости и родители остались дома.

– Я так и подумал, – сказал Антон. – Погоди, я сейчас.

Взяв обе тарелки, он вышел из кухни. Кнопка осталась одна. Попробовала надеть яичную скорлупку на голову Пифке.

– Если ты этому научишься, – шептала она, – сможешь выступать в цирке.

Но такса, похоже, не любила цирк. Она то и дело сбрасывала скорлупу.

– Не желает, вот дурацкая псина! – возмутилась Кнопка и огляделась вокруг.

Боже, до чего маленькая кухня! Что Антон мальчик бедный, она поняла сразу. Но такая крохотная кухня повергла ее в изумление. Она глянула в окно на серый двор.

– Не сравнить с нашей кухней, а? – обратилась она к собаке.

Пифке завилял хвостом. Но тут вернулся Антон и спросил:

– А вы с Пифке не хотите посидеть в комнате, пока мы с мамой будем есть?

Кнопка кивнула и схватила Пифке за ошейник.

– У мамы вид еще совсем больной, – предупредил мальчик, – но я очень тебя прошу, не вздумай сказать ей об этом.

Хорошо, что Антон подготовил Кнопку. Его мама, бледная-бледная, сидела в кровати, вид у нее был несчастный. Она приветливо поздоровалась с Кнопкой и добавила:

– Как мило, что ты пришла к нам.

Кнопка сделала книксен и в свою очередь сказала:

– Приятного аппетита, фрау Антон. Вы прекрасно выглядите. Как ваше драгоценное здоровье?

Мальчик расхохотался, подоткнул матери под спину еще одну подушку и поправил Кнопку:

– Мама вовсе не фрау Антон. Антон только мое имя.

– Ох, уж эти мужчины, – в отчаянии проговорила Кнопка, закатывая глаза. – Разве на них можно сердиться, вы согласны, сударыня?

– Никакая я тебе не сударыня, – ответила мать Антона, – я просто фрау Гаст.

– Гаст, – повторила Кнопка, – ну конечно же, и на дверной табличке написано "Гаст". Кстати, очень красивая фамилия.

Девочка вознамерилась, все, что видит здесь, считать красивым, чтобы не обидеть Антона и его маму.

– Ну как, мама, вкусно? – спросил Антон.

– Отлично, мой мальчик! – ответила больная, уплетая за обе щеки. – Ну ничего, завтра я сама займусь готовкой. А то у тебя уже и поиграть времени нет. Да и домашние задания от этого страдают. Вчера он даже приготовил бифштекс по-германски, – сообщила она Кнопке.

А Антон опустил лицо в тарелку, чтобы не видно было, как его радует похвала.

– А я в готовке совсем не разбираюсь, – поведала Кнопка. – У нас готовит толстая Берта, она весит целых сто восемьдесят фунтов. Но зато я умею играть в теннис.

– А у ее отца есть машина с шофером, – доложил Антон.

– Если хочешь, как-нибудь мы тебя тоже покатаем. Директор – славный малый, – сказала Кнопка. – Директор – это мой папа, – пояснила она.

– У него мерседес, – здоровенный лимузин, и кроме того, у них десять комнат, – расписывал Антон.

– Но у вас тоже очень хорошо, фрау Гаст, – сказала Кнопка и посадила Пифке на кровать.

– А откуда вы друг дружку знаете? – спросила фрау Гаст.

Антон наступил Кнопке на ногу и ответил:

– Знаешь, мы просто однажды разговорились на улице и сразу друг другу понравились.

Кнопка кивком головы подтвердила его слова и искоса взглянув на Пифке, заявила:

– Господа, Пифке нужно на улицу.

Фрау Гаст сказала:

– Да и вам, ребятки, тоже неплохо будет немножко погулять. А я еще полежу.

Антон отнес тарелки на кухню и взял свою кепку. Когда он опять зашел в спальню, мать заметила:

– Антон, тебе пора постричься.

– Ну нет! – воскликнул он, – только не это! От стрижки волосы падают за воротник и потом так щекотно…

– Дай-ка сюда кошелек, – потребовала мама. – И без разговоров отправляйся стричься.

– Что ж, если тебе это так важно, – сказал он; – схожу, ладно. Но деньги у меня свои есть.

Мать как-то странно на него взглянула и он поспешил добавить:

– Я на вокзале помогал таскать чемоданы.

Он поцеловал мать в щеку и посоветовал ей заснуть покрепче, укрыться потеплее, ни в коем случае не вставать и так далее.

– Слушаюсь, господин доктор, – сказала она и подала руку Кнопке.

– Поправляйтесь поскорее, – сказала девочка на прощание. – Пошли, Антон, Пифке не может больше ждать.

Пифке сидел у двери, неотрывно глядя на дверную ручку, словно хотел ее загипнотизировать. Все трое расхохотались. И наконец дети, очень довольные, вышли на улицу.

РАССУЖДЕНИЕ ВТОРОЕ

О ГОРДОСТИ

Я не знаю, что вы обо всем этом думаете. По-вашему, правильно, что мальчик готовит? Что, повязавшись материнским передником, он чистит картошку, кладет ее в котелок, посыпает солью и все такое прочее?

Пауль, с которым я говорил об этом, заявил мне:

– Я бы не стал готовить. Даже и не подумал бы.

– Гм, – сказал я. – А если бы твоя мама лежала больная и врач предписал бы ей хорошо и регулярно питаться, а то она может умереть…

– Тогда ладно, – поспешил ответить Пауль, – тогда бы я тоже стал куховарить, вроде вашего Антона. Но наверное мне все равно было бы стыдно. Готовка – не мужское дело.

– Вот если бы ты играл в куклы, забавлялся кукольными кастрюльками, у тебя и впрямь были бы основания стыдиться, – заметил я, – но если ты заботишься о том, чтобы твоя больная мама вовремя ела, то этим можно только гордиться. И, кстати, гораздо больше, чем прыжком в длину на четыре метра.

– Четыре двадцать, – уточнил Пауль.

– Вот видишь! – воскликнул я, – этим ты уже умеешь гордиться!

Немного погодя он сказал мне:

– Я все обдумал. Возможно, мне не было бы стыдно, если бы меня застали за готовкой. Но все-таки лучше, чтобы никто меня при этом не видел. Я, наверное, запер бы кухонную дверь. А кстати, мама моя ничем не больна. А если бы она все-таки заболела, мы пригласили бы приходящую прислугу. Чтобы она готовила.

Вот упрямая башка, вы не находите?

Глава третья

СОБАКА БРЕЕТСЯ

Пифке остановился у первого же фонарного столба. Дети хотели идти дальше, а он ни в какую. Кнопке пришлось тянуть его.

– Опять он уперся, – пожаловалась она Антону.

– Дай-ка мне, – сказал тот, – сейчас все будет в порядке.

Он выхватил у Кнопки поводок, вытащил из кармана белый носовой платок и снова засунул в карман, но так, чтобы виден был его кончик.

– Пифке! – позвал он.

Песик поднял голову, с любопытством поглядел на белый кончик и подумал: пожалуй, это можно будет съесть. И едва Антон сдвинулся с места, Пифке потрусил за ним, не сводя глаз с платка и взволнованно принюхиваясь.

– Блеск! – одобрила Кнопка. – Роскошная идея. Надо взять на заметку.

– Ну и как тебе наш дом? – спросил мальчик. – Довольно жуткий, да?

– Да, вид у него немного заблошенный.

– Какой? – не понял он.

– Заблошенный, – повторила она. – Тебе нравится это слово? Я сама его придумала. Я иногда изобретаю новые слова. Теплометр, это тоже я придумала.

– Теплометр вместо термометра? – воскликнул он. – Это не так уж плохо!

– Еще бы! – сказала Кнопка. – А давай играть в смешки.

Она не стала ждать, согласится он или нет, а просто взяла его за руку и запричитала:

– Ой-ой-ой, – мне совсем не до смеху, мне очень, очень грустно.

Антон удивленно воззрился на нее. Она наморщила лоб и сделала большие глаза.

– Ой-ой-ой, мне совсем не до смеху, мне очень, очень грустно, – повторила она, потом толкнула Антона и прошептала: – Тебе тоже грустно.

Антон решил доставить ей удовольствие.

– Ой-ой-ой, – застонал он, – мне совсем не до смеху, мне очень-очень грустно.

А так как они смотрели друг на друга и у обоих на лицах была мировая скорбь, они начали хохотать во все горло.

– Ой-ой-ой, мне совсем не до смеху, – опять завел Антон и они еще пуще развеселились.

Наконец, они уже просто не могли смотреть друг на друга. Они заливались хохотом, стонали, хихикали, не могли остановиться и в конце концов чуть не задохнулись. Возле них уже стали останавливаться прохожие.

А Пифке сидел на месте. "Ну, похоже, они совсем спятили", – думал он. Кнопка взяла его на руки. И они пошли дальше, не решаясь даже

взглянуть друг на друга. Кнопка еще несколько раз прыснула, но потом это прошло.

– Вот это да! – сказал Антон. – Я даже устал. Чуть не помер со смеху. – И он смахнул слезы с глаз.

Тем временем они дошли до парикмахерской и поднялись на несколько ступенек. Парикмахерская была совсем маленькой.

– Здравствуйте, господин Хабекус, – сказал Антон. – Мне надо подстричься.

– И впрямь пора. Садись, сынок, – сказал господин Хабекус. – Как мама?

– Спасибо. Ей уже лучше. А вот с деньгами пока не лучше.

– Значит, как и в прошлый раз, двадцать пфеннигов задатку, остальное в рассрочку, спереди немного длиннее, знаю, знаю. А маленькая фройляйн что желает?

– Я просто зритель, – объяснила Кнопка. – Я вам мешать не буду.

Господин Хабекус повязал Антона большим белым полотенцем и защелкал ножницами.

– Тебе уже щекотно? – в нетерпении спросила Кнопка.

Но так как Антон не отвечал, а тихо сидел, как мышка, она тут же придумала себе новое занятие. Посадив Пифке на соседнее кресло, Кнопка повязала его полотенцем и намылила ему мордочку. Пифке сперва принял пену за взбитые сливки, но поскольку эта белая штука

оказалась совсем невкусной, он с отвращением спрятал язык и затряс головой.

Кнопка сделала вид, что бреет его. Указательным пальцем она аккуратненько снимала пену с собачьей шерсти, пританцовывая, сновала вокруг и как заправский парикмахер беседовала с клиентом.

– Да уж, – говорила она таксе, – ну и времена нынче! Мой палец достаточно острый? Ну и времена! Это уж слишком, вы же понимаете, что я имею в виду. Вообразите себе, – будьте добры, чуть-чуть поверните голову, – ах да, вообразите себе, прихожу я вчера домой, а у моей жены родилась тройня, и все три девочки. А на головках – рыжая трава. Ну как тут не спятить? А сегодня с самого утра открываю парикмахерскую, а там уже стоит судебный исполнитель и заявляет мне, что должен забрать у меня зеркало. Я его спрашиваю, почему? Вы, говорю, хотите меня совсем доконать? А он говорит: мне очень жаль, но меня послал министр финансов. Дело в том, что вы совсем не едите ревеня. Вы чем-то недовольны, господин Пифке? А кстати, откуда у вас такой дивный загар? Ах, вот что, вы пользуетесь "горным солнцем".[1] Через полчаса сюда явится господин министр, собственной персоной. Мы договорились, что я целую неделю буду брить его бесплатно, десять раз в день. Да, у него страшно быстро растет борода. Одеколончику не угодно ли? Цеппелин[2] подыскивает для своего путешествия на Северный полюс парикмахера, страдающего морской болезнью, парикмахер ему нужен, чтобы стричь белых медведей. Хотите, я привезу вам шкуру белого медведя? Пудры не желаете?

Кнопка обсыпала пудрой собачью мордочку и Пифке с омерзением уставился в зеркало. Парикмахер, господин Хабекус, давно забыл, что ему надо стричь Антона, а тот так и трясся от удовольствия и хохота. Кнопка же, напротив, была убийственно серьезна. И для разнообразия принялась вслух читать все, что было написано на табличках и плакатах, развешанных в парикмахерской. Иногда она нарочно путала тексты.

– Используйте крепкие новые прически. В моей парикмахерской вы получите все специальные призы за оригинальные статьи, если вы довольны обслуживанием, скажите об этом своим знакомым, здесь можно проколоть уши, если вы недовольны, скажите об этом мне, с лысинами покончено, последний крик моды, по воскресеньям открыто с 8 до 10, господа, старайтесь стричься в будние дни, мозоли перед употреблением следует продезинфицировать, бритвы – это ненужные муки, берегитесь зубных камней…

Она читала всю эту белиберду монотонно, нараспев, словно декламировала стихи.

Пифке, смертельно уставший, зевнул, свернулся клубочком и задремал.

– Девчонка – первый сорт, вы не находите? – спросил Антон господина Хабекуса.

– Нет уж, благодарю покорно! – отвечал парикмахер. – Еще два таких дня, и я начну видеть чертей.

Наконец, он взял себя в руки и снова защелкал ножницами. Ему хотелось как можно скорее покончить со стрижкой, чтобы избавиться от несносной девчонки. У него были слабые нервы.

Тут заявился еще один клиент, толстяк в белом фартуке мясника.

– Минутку, господин Бульрих, – сказал ему парикмахер.

Антон напряженно всматривался в зеркало, чтобы ничего не упустить. Мясник кивнул и опустился в соседнее кресло. Кнопка немедленно взялась за него.

– Милый господин Бульрих, – обратилась она к толстяку, – вы умеете петь?

Мясник приосанился, смущенно покрутил толстыми как сосиски пальцами и покачал головой.

– О, какая жалость! – проговорила Кнопка. – А то бы мы вдвоем спели что-нибудь такое, красивое, в четыре голоса. Ну, а хотя бы стихотворение вы можете прочитать? "Кто твой хозяин, дивный лес?" или "Погребен в земле сырой"?

Господин Бульрих снова покачал головой и скосил глаза на газету, висевшую на крючке. Но взять ее в руки не решился.

– Теперь последний вопрос, – не унималась Кнопка, – вы умеете делать стойку на руках?

– Нет, – решительно и твердо ответил господин Бульрих.

– Нет? – озабоченно переспросила Кнопка. – Вы на меня не обижайтесь, но с таким отсутствием всяких талантов я сталкиваюсь впервые в жизни!

И повернувшись спиной к бесталанному мяснику, она подошла к помиравшему от беззвучного смеха Антону.

– Вот они, эти взрослые, – сказала она своему другу. – Мы должны все уметь, считать, петь, вовремя ложиться спать и кувыркаться, а они сами во всем этом ни в зуб ногой! А кстати, у меня зуб шатается, хочешь посмотреть?

Она широко открыла рот и кончиком языка дотронулась до шатающегося зуба.

– Надо его выдрать, – сказал Антон. – Берешь крученую нитку, делаешь петельку вокруг зуба, другой конец привязываешь к дверной ручке, а потом быстро открываешь дверь. Раз и готово!

– Какой же ты молодец, Антон! – восхитилась Кнопка и одобрительно похлопала его по плечу. – А черную или белую?

– Что? – не понял Антон.

– Нитку!

– Белую, – сказал Антон.

– Ладно, я еще подумаю, – решила Кнопка. – Вы скоро закончите, господин Хабекус?

– Скоро, – отвечал парикмахер. Затем, повернувшись к господину Бульриху, заметил: – Трудный ребенок эта девочка, вы согласны?

На улице Кнопка, схватив Антона за руку, спросила:

– Это было ужасно, да?

– Это было здорово! – сказал он. – Только в другой раз я тебя с собой не возьму.

– Только попробуй! – оскорбилась Кнопка и выпустила его руку.

Они были уже возле моста Вейдендамм. Кнопка беседовала с Пифке, но долго вынести молчание Антона она не могла.

– А чем вообще-то больна твоя мама? – спросила она.

– У нее что-то выросло внутри. Ее положили в больницу и вырезали эту штуку. Я каждый день ее там навещал. Господи, как же она ужасно выглядела, худющая и желтая-прежелтая. А сейчас она уже две недели дома лежит. Ей теперь лучше. В больнице сестры были очень добры ко мне, наверное, думали, что мама умрет.

– А что же у нее такое выросло? – спросила Кнопка, – Растение, что ли, с листочками, цветочками и в глиняном горшке, да? Может, она по ошибке что-то проглотила?

– Конечно нет, я бы знал, – сказал Антон. – Нет, просто что-то выросло внутри. Само по себе.

– А что? Герань или остролист? – любопытничала Кнопка.

– Да нет, это что-то из мяса и кожи. Если это не вырезать, человек умрет.

Немного погодя Кнопка вдруг остановилась, схватилась за живот и простонала:

– Антон, милый Антон, у меня вот тут жмет. Знаешь, наверное, у меня в животе тоже что-то выросло. Я думаю, маленькая елочка. Я так люблю елочки.

– Нет, – ответил Антон, – у тебя там не дерево, а птица!

РАССУЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕ

О ФАНТАЗИИ

Вы наверняка уже поняли, что Кнопка – девочка довольно занятная. Она делает книксен стене в гостиной и продает ей спички, она рядится

и тащит за собой таксу на сковородке, кладет песика в постель и внушает ему, что он волк и, следовательно, должен ее, Кнопку, съесть. Она предлагает мяснику Бульриху спеть с ней в четыре голоса. И наконец, она убеждает себя, что внутри у нее что-то выросло. Она внушает себе то, чего сроду не бывает, а если и бывает, то совсем-совсем по-другому.

Я однажды читал о человеке, наделенном богатой фантазией, которому часто снились очень явственные сны. Например, один раз ему приснилось, что он прыгает из окна. И вдруг он просыпается и обнаруживает, что и в самом деле лежит на улице! К счастью, он жил на первом этаже. Но вы только представьте себе, что было бы, живи он четырьмя этажами выше! Тут уж его фантазия могла стать опасной для жизни. Фантазия чудесное свойство, но ее надо держать в узде.

Глава четвертая

РАЗНОГЛАСИЯ

Фройляйн Андахт, между тем, сидела со своим женихом в кафе Зоммерлатте. Изредка они поднимались и танцевали. Между столиками стояли красивые цветущие яблоньки, сделанные из картона и бумаги, но тем не менее выглядевшие весьма натурально. На картонных ветвях, помимо бумажных цветов, висели еще шары и пестрые ленточки серпантина. Кафе было веселое и нарядное, оркестр играл модные танцы.

Фройляйн Андахт была так тоща и долговяза, что уже и не чаяла когда-нибудь заполучить жениха, а теперь у нее есть жених, уже целых две недели. Если бы он еще не был так суров со своею невестой! Он непрестанно ею командовал, и если она не сразу подчинялась, смотрел на нее так зловеще, что у нее со страху шевелились уши.

– Ну, скумекала наконец? – спросил жених, перегнувшись через столик и злобно сверкая глазами.

– Ты и вправду хочешь это сделать, Роберт? – испугалась она. – У меня в сберегательной кассе есть двести марок, они в твоем распоряжении.

– На что мне твои гроши, глупая коза! – возмутился он. Из этих слов можно заключить, что он был не слишком благородным кавалером. – Чтоб завтра план был у меня.

Фройляйн Андахт преданно кивнула.

Тут к столику подошли Кнопка с Антоном.

– Вот это и есть Роберт-Дьявол,[3] – сказала Кнопка Антону, указывая на жениха.

– Кнопка! – возмущенно воскликнула фройляйн Андахт.

– Оставь ее! – вступился жених, деланно улыбаясь. – Она же просто шутит, наша маленькая принцесса. Надо же, до чего славный пинчер, – сказал он и потянулся погладить таксу.

Но Пифке раскрыл пасть, зарычал и собрался тяпнуть жениха.

Наконец, и дети уселись за столик. Жених хотел было заказать им горячий шоколад, но Антон сказал:

– О нет, сударь, не стоит из-за нас так тратиться.

Снова заиграл оркестр и фройляйн Андахт пошла танцевать со своим Робертом. Дети остались за столиком.

– Может и мы потанцуем? – предложила Кнопка.

Но Антон решительно отклонил это предложение.

– Знаешь, не нравится мне этот Роберт, – заявил он.

– Правда? Тебе тоже? – воскликнула Кнопка. – У него глаза как кончики отточенных карандашей. Пифке он тоже не нравится. А вообще-то здесь распрелественно!

– Распрелественно? – переспросил Антон. – Ах, это опять твое изобретение!

Кнопка кивнула.

– Послушай, Антон, есть еще один человек, который мне очень не нравится. Сын нашего привратника. Он сказал, что если я не дам ему десять марок, он все расскажет моему отцу. Его зовут Готфрид Клеппербейн.

– Э, да я его знаю, – сказал Антон. – Он в нашей школе учится, только на класс старше. – Ну, погоди, я его так взгрею!

– Вот здорово! – завопила Кнопка. – Да, но он же больше тебя.

– Ну и пусть! Я ему все ребра пересчитаю! – заявил Антон.

А фройляйн Андахт тем временем танцевала со своим женихом. Кроме них в кафе танцевали еще две пары. Роберт, злобно косясь на детей, прошептал:

– Уведи этих сопляков с глаз долой! А завтра после обеда опять здесь встретимся. Что ты должна принести, а?

– План, – проговорила фройляйн Андахт. Это прозвучало так, словно ее голос обо что-то споткнулся.

На улице фройляйн Андахт сказала:

– Ты просто кошмарный ребенок! Так рассердить моего жениха…

Кнопка ничего ей не ответила, а только вылупила глаза, стараясь рассмешить Антона.

Фройляйн Андахт обиделась. Подхватив Пифке, она побежала так, словно ей платили за скорость. Они не успели оглянуться, как оказались возле дома, где жила Кнопка.

– Значит, сегодня вечером увидимся, – сказала девочка.

Антон кивнул. Пока они там стояли, в дверях как бы ненароком, возник Готфрид Клеппербейн и собрался было пройти мимо.

– А ну постой! – крикнул Антон. – Мне надо тебе кое-что сказать, очень важное.

Готфрид Клеппербейн остановился.

– А ты ступай домой! – приказал Антон.

– Ты ему ребра будешь пересчитывать? – осведомилась она.

– Это не для женских глаз, – отвечал Антон.

Фройляйн Андахт с Кнопкой вошли в подъезд. Кнопка остановилась сразу за дверью и прильнула к дверному стеклу. Антон этого не заметил.

Он обратился к Клеппербейну:

– Слушай, ты, если еще раз полезешь к малышке с угрозами, будешь иметь дело со мной. Она находится под моей защитой, ясно тебе?

– Тили-тили-тесто, жених и невеста! – заржал Клеппербейн. – Ты, видать, совсем сбрендил!

И в ту же минуту он получил такую оплеуху, что не удержался и сел на мостовую.

– Ну, погоди, ты у меня дождешься! – заорал он, вскакивая. Но тут же схлопотал и вторую оплеуху, уже с другой стороны, и снова опустился на мостовую. – Ну погоди, дождешься! – повторил он, предусмотрительно оставшись сидеть.

Антон сделал к нему шаг.

– Сегодня я с тобой говорил еще по-хорошему, – предупредил он. – Но если я еще что-то о тебе услышу, тогда пеняй на себя!

С этими словами он прошел мимо Готфрида Клеппербейна, даже не удостоив его взглядом.

– С ума сойти, – пробормотала Кнопка, стоя за дверью, – чего только этот парень не умеет!

А фройляйн Андахт давно уже была дома. Когда она проходила мимо кухни, ее окликнула толстая Берта, которая, сидя на стуле, чистила картошку.

– Идите-ка сюда!

Фройляйн Андахт очень этого не хотелось, но она все-таки вошла в кухню. Дело в том, что она побаивалась Берты.

– Слушайте, – начала Берта, – я хоть и живу в мансарде под самой крышей, но я всегда замечаю, если тут что-то не в порядке. Не будете ли вы так любезны объяснить мне, отчего это ребенок в последнее время такой бледный, да еще у него и круги под глазами? И почему это утром он ни в какую не хочет подниматься с постели?

– Кнопка растет, – объяснила фройляйн Андахт, – ей следует пить рыбий жир или железо.

– Вы у меня давно уже как кость в горле, – заявила Берта. – Но если я пронюхаю, что у вас какие-то тайны завелись, вы у меня сами напьетесь рыбьего жира! Целую бутылку выдуете!

– Вы слишком вульгарны и, следовательно, не можете меня обидеть.

– Я не могу вас обидеть? – переспросила толстая Берта, поднимаясь со стула. – Это мы еще посмотрим. Вы, баранья башка, верзила пройдошистая, жердина, наглячка худосочная, да вы…

Фройляйн Андахт зажала руками уши, и сощурившись от злости, помчалась по коридору. Ни дать ни взять жираф.

РАССУЖДЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

О МУЖЕСТВЕ

Сейчас мне хотелось бы немного поговорить о мужестве. Антон влепил две пощечины мальчишке, который был больше него. И можно было бы сказать, что Антон проявил мужество. Однако, это было не мужество, а ярость. И тут есть немалая разница.

Быть мужественным можно, лишь будучи хладнокровным. Когда, к примеру, врач, чтобы убедиться в правильности своей теории, вводит себе опасные бактерии, а потом лечит себя вакциной, которую сам открыл, он проявляет истинное мужество. Когда полярный исследователь на собачьих упряжках едет к Северному полюсу в надежде на новые научные открытия, он проявляет мужество. И если профессор Пиккар на воздушном шаре поднимается в стратосферу, хотя до него еще никто так высоко не поднимался, он подлинно мужественный человек.

Вы следили за историей профессора Пиккара? Это было очень интересно. Он много раз пытался подняться ввысь, но ему это никак не удавалось, из-за неподходящей погоды. Газеты начали зубоскалить над ним. И люди смеялись, видя его фотографии. Но он все выжидал подходящего момента. Он был настолько мужественным человеком, что готов был терпеть любые насмешки, лишь бы не совершить второпях какой-нибудь глупости. Он не был ни безрассудно смелым, ни сумасшедшим, он был просто очень мужественным. Он хотел совершить научное открытие, а вовсе не прославиться.

Мужество не доказывают исключительно кулаками, надо еще голову иметь на плечах.

Глава пятая

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ ЗУБНОЙ ВРАЧ

Директор Погге еще был у себя на фабрике тростей и зонтов. Его дражайшая супруга еще лежала в постели, коротая время наедине с мигренью. Фройляйн Андахт сидела у себя в комнате.

Кнопка и Пифке до ужина были свободны. Кнопка взяла у Берты крученую белую нитку и сказала утомленной таксе, лежавшей в своей корзинке:

– Ты только взгляни, мой маленький!

Пифке взглянул. Усталый, он всегда бывал очень покладист.

Девочка оторвала нитку от катушки, завязала узелок, сделала петельку, накинула на шатающийся зуб, а другой конец нитки привязала к дверной ручке.

– Ну, шутки в сторону! – провозгласила Кнопка. – Брр!

И она стала медленно отходить от двери, покуда нитка не натянулась. Кнопка сделала еще шажок, жалобно застонала и состроила отчаянную гримасу. Затем опять подошла к двери, и нитка снова провисла.

– Ох, Пифке, Пифке, – пожаловалась Кнопка таксе, – это занятие не для меня, – и она вновь отошла от двери, но заныла еще до того, как нитка натянулась. – Исключено! – решила она, – вот если бы Антон был здесь, я бы, пожалуй, рискнула.

Прислонясь к двери, она что-то напряженно обдумывала. А потом отвязала нитку от дверной ручки.

– Дай лапку! – потребовала она. Но Пифке этого еще не умел. Тогда Кнопка нагнулась, подняла Пифке и посадила его на свою домашнюю парту и привязала свободный конец нитки к задней лапе Пифке. – А теперь спрыгни вниз! – попросила она.

Но Пифке вместо этого лишь свернулся клубочком на парте, решив, что здесь можно будет хорошенько выспаться.

– Прыгай! – сурово приказала Кнопка и, покорная судьбе, закрыла глаза.

Песик навострил уши, насколько это позволяла их форма. Однако, о том, чтобы спрыгнуть, не было и речи. Кнопка открыла глаза. Заранее припасенный страх оказался напрасным. Тогда она пихнула Пифке и тому ничего другого не оставалось, как спрыгнуть на пол.

– Вырвал зуб? – спросила его Кнопка. Собака этого не знала. Кнопка сунула палец в рот.

– Нет, – сказала она. – Нитка слишком длинная, малыш.

Зажав Пифке под мышкой, она взгромоздилась на сиденье парты, а Пифке поставила на парту.

– Если и это не поможет, – пробормотала она, – я дам усыпить себя хлороформом.

Она пихнула Пифке, тот кубарем скатился с парты, а Кнопка резко выпрямилась.

– Ой! – вскрикнула девочка. Во рту она ощутила вкус крови.

Пифке побежал к своей корзинке. Он рад был освободиться от привязи. Кнопка смахнула с глаз несколько слезинок.

– Ах, Антон, Антон, – проговорила она, ища носовой платок, а найдя, сунула платок в рот и прикусила его.

Через край собачьей корзинки свисала крученая нитка, посреди комнаты валялся маленький белый зуб. Кнопка освободила таксу от нитки, подняла с полу зуб и пустилась в пляс. Затем помчалась к фройляйн Андахт.

– Я вырвала зуб, я вырвала зуб!

Фройляйн Андахт поспешно прикрыла левым локтем лист бумаги. В правой она держала карандаш.

– Ах вот как? – сказала она. И ни словечка больше.

– Что это с вами? – осведомилась Кнопка. – Вы уже несколько дней какая-то странная, разве вы сами не замечаете? Что у вас стряслось? – Стоя подле гувернантки, она краешком глаза глянула на бумагу и сказала так, словно была дедушкой фройляйн Андахт. – Ну-ка выкладывайте, что у вас на сердце?

Но фройляйн Андахт вовсе не желала исповедоваться.

– А кстати, когда у Берты выходной? – спросила она.

– Завтра, ответила Кнопка. – А зачем вам это знать?

– Просто так, – объяснила гувернантка.

– Просто так! – раздраженно воскликнула Кнопка. – Обожаю такие ответы.

Но из гувернантки сегодня ничего вытянуть не удавалось. Каждое слово было как на вес золота. Тогда Кнопка сделала вид, что споткнулась и, чтобы удержаться на ногах, схватилась за руку фройляйн Андахт. Лист бумаги приоткрылся. Он весь был расчерчен на прямоугольники. На одном было написано "Гостиная". На другом "Кабинет". Но тут же на лист вновь легли большие костлявые руки гувернантки.

Кнопка никак не могла взять в толк, что бы это значило, и решила вечером непременно рассказать обо всем Антону. Может, он поймет, что к чему.

Полтора часа спустя девочка уже лежала в постели. Гувернантка сидела рядом и читала ей сказку про Грязнослова и его жену.

– Вот видите, – сказала Кнопка, – Грязнослов и его жена похожи как близнецы. Я была кругом права сегодня днем. Если бы у меня была близняшка, и ее звали бы Карлинхен, мы тоже выигрывали бы все соревнования на уроках гимнастики.

Вскоре в комнату зашли родители. Мать была в красивом вечернем платье из шелка и в золотых туфельках, а отец в смокинге. Оба поцеловали дочку на сон грядущий и фрау Погге сказала:

– Спи спокойно, моя радость.

– Будет сделано, – отвечала Кнопка. Отец присел было на краешек кровати, но жена торопила его:

– Идем скорее, генеральный консул любит точность.

Девочка кивнула отцу.

– Директор, не глупи! – напутствовала она его.

Едва родители ушли, как Кнопка вскочила с кровати и закричала:

– Пошли, скорее!

Фройляйн Андахт кинулась в свою комнату и достала из комода старое драное платьишко. И отнесла его Кнопке. Сама же надела юбку, всю в заплатах, и до ужаса выцветший зеленый джемпер.

– Ты готова? – спросила гувернантка.

– Конечно! – с удовольствием отозвалась Кнопка. При этом вид у нее в надетых лохмотьях был прежалкий. – Вы забыли повязать платок, – напомнила она.

– Куда ж я его позавчера положила? – спросила фройляйн Андахт, однако довольно быстро нашла платок, надела на голову, нацепила синие очки, вытащила из-под дивана кошелку и в таком вот виде обе на цыпочках выбрались из дома.

Минут через десять после их ухода толстая Берта собралась подняться к себе в мансарду, и двигаясь, по мере своих возможностей, тихо, подошла к дверям детской и едва слышно постучала. Но никто не ответил.

– Неужто она уже спит, моя лапочка? – спросила себя Берта. – Наверное, просто притворяется. А я-то хотела дать ей кусок свежего пирога, но с тех пор, как в доме водворилась эта дрянь Андахт, дурища поганая, я уж и сама себе не верю. На днях я только приоткрыла дверь в детскую, а она тут же на меня хозяйке наябедничала. Сон до полуночи, видите ли, самый лучший, и его, видите ли, ни в коем разе нельзя нарушать. Вот мура так мура! Сон до полуночи! У Кнопки иной раз такой вид, словно она и вовсе не спит по ночам. И потом все эти кривлянья да шушуканья! Не знаю, но с некоторых пор все это кажется мне очень и очень странным. Если бы не директор и Кнопка, я давно бы отсюда сбежала.

– Ты у меня дождешься! – пригрозила она Пифке, который не вылезая из своей корзины у Кнопкиной двери, прыгал, пытаясь дотянуться до пирога. – А ну, ложись, шавка поганая, и посмей только тявкнуть! Вот тебе кусок, но чтоб ни звука! У тебя у одного в этом доме еще не завелось секретов!

РАССУЖДЕНИЕ ПЯТОЕ

О ЛЮБОПЫТСТВЕ

Когда моя матушка читает роман, она делает так: прочитав первые двадцать страниц, она смотрит в конец, затем пролистывает середину, короче говоря, только обследовав книгу со всех сторон, она читает ее от начала до конца. Зачем она так делает? Просто, чтобы спокойно читать роман, она должна знать, чем же он кончится. Иначе ей не будет покоя! Ни в коем случае не следуйте этой привычке. А если вы все же привыкли так делать, постарайтесь отвыкнуть! Ладно?

Ведь это все равно что за две недели до Рождества залезть в мамин шкаф, чтобы узнать, какие подарки вам приготовлены. И когда, наконец, вас зовут, чтобы вручить рождественские дары, вы уже все наперед знаете. Разве это не ужасно? Вам бы удивиться, обрадоваться, а вы все давным-давно знаете, и родители удивляются, отчего это вы так мало радуетесь. А в результате праздник испорчен и для вас и для родителей.

А ведь и за две недели до праздников, когда вы залезли в шкаф и нашли подарки, вы тоже особой радости не испытали, боясь, что вас застигнут на месте преступления. Надо уметь ждать. Излишнее любопытство убивает радость.

Глава шестая

ДЕТИ РАБОТАЮТ В НОЧНУЮ СМЕНУ

Вы знаете мост Вейдендамм? Видели вы его вечером, когда под темным небом мерцают огни реклам? Фасады Комише Опер и Адмиралтейства буквально усыпаны пестрыми светящимися надписями, повсюду сверкают витрины. На одной из крыш по другую сторону Шпрее мигает тысячами лампочек реклама знаменитого стирального порошка – огромный котел, над которым поднимается пар, кипенно-белая рубашка парит в воздухе, подобно симпатичному призраку. Одна

пестрая картина сменяет другую. А дальше, над домами на Шиффбауэрдамм, высится фронтон Большого драматического театра.

По мосту мчатся вереницы автобусов. На заднем плане виден вокзал на Фридрихштрассе. По эстакадам городской железной дороги мчатся поезда с ярко освещенными окнами, исчезая в ночи, подобно ослепительным змеям. Иногда небо становится розовым от зарева великого множества огней, сияющих внизу.

Берлин прекрасен, а особенно здесь, на этом мосту, и уж тем более по вечерам! По Фридрихштассе сплошным потоком идут машины. Блещут фонари и прожекторы. На тротуарах толпы людей. Поезда свистят, автобусы громыхают, машины сигналят, люди говорят и смеются. Да, дети, вот это жизнь!

На мосту стоит тощая нищенка в темных очках. Она держит в руках кошелку и несколько коробков спичек. Рядом с нею делает книксен маленькая девочка в драном платьишке.

– Спички, господа, купите спички! – выкрикивает девочка дрожащим голоском. Но люди проходят мимо.

– Будьте же милосердны к бедным людям! – жалобно молит девочка, – всего десять пфеннигов за коробок!

Подходит какой-то толстяк и сует руку в карман.

– Мама еще такая молодая, а уже совсем ослепла. Три коробка за двадцать пять! – лепечет девочка.

Толстяк сует ей грошик и идет дальше.

– Благослови вас Господь, милая дама! – вопит девочка.

И тут же получает нахлобучку от тощей нищенки.

– Это же был мужчина, а не дама, дуреха ты эдакая! – сердито ворчит женщина.

– Так вы слепая или нет? – обиженно спрашивает девочка. Но тем не менее снова делает книксен и выкрикивает дрожащим голосом: – Спички! Купите спички!

На этот раз грошик ей дала пожилая дама и ласково улыбнулась.

– Дело процветает! – шепчет девочка. – У нас уже две марки тридцать, а продали всего пять коробков. – И вновь жалобно причитает: – Будьте же милосердны к бедным людям. Коробок всего десять пфеннигов.

Вдруг она начинает радостно подпрыгивать на месте и машет кому-то рукой.

– Антон на той стороне! – сообщает она нищенке. И вновь поникнув, делает книксен и причитает так, что прохожим делается жутко.

– Спасибо, спасибо вам! – говорит она.

А капитал растет. Она бросает деньги в кошелку. Упав на другие монеты, они весело звякают.

– И вы все деньги отдадите своему жениху? – интересуется девочка. – Но это же курам на смех!

– Заткнись, – приказывает женщина.

– Но ведь я права! – настаивает Кнопка. – Чего ради мы тут торчим каждый вечер и ворон считаем?

– Ни слова больше! – злобно шипит женщина.

– Спички, господа, купите спички! – вновь заводит Кнопка.

Люди все идут и идут.

– Лучше бы мы что-нибудь дали Антону, а то ему до субботы на той стороне стоять, а там дела плохо идут. Ой, – вдруг пискнула она, словно кто-то наступил ей на ногу. – Клеппербейн идет, вот скотина!

Антон стоял на другой, плохой стороне моста, там было гораздо меньше прохожих. Он держал перед собой маленький раскрытый чемоданчик и когда кто-то шел мимо, говорил:

– Шнурки для ботинок не желаете, черные и коричневые!? Спички тоже всегда пригодятся, будьте любезны!

Но он был бездарным торговцем. Не умел он причитать на людях. Ему больше всего хотелось плакать, какой уж тут смех. Он обещал домовладельцу послезавтра заплатить за квартиру пять марок, да и на еду деньги опять кончились. А завтра надо обязательно купить маргарин, да и четверть фунта ливерной колбасы тоже не помешает. Так он запланировал.

– Тебе давно пора спать, а не здесь околачиваться, – заметил какой-то прохожий. Антон удивленно глянул на него.

– А мне больше нравится просить милостыню, – буркнул он.

Мужчине стало немножко стыдно.

– Да ладно, ладно, – сказал он. – Ты только не сердись, парень.

И он дал Антону монетку. Целых пятьдесят пфеннигов!

– Премного благодарен, – сказал Антон и сунул ему шнурки.

– Я со шнурками обувь не ношу! – сказал мужчина и приподняв на прощание шляпу, быстро ушел.

Антон, обрадованный, глянул на другую сторону моста, туда, где стояла его подружка. Э, да никак это Клеппербейн? Он захлопнул чемоданчик и ринулся на другую сторону. Готфрид Клеппербейн стоял и с наглым видом смотрел на Кнопку и фройляйн Андахт. Кнопка, правда, показала язык привратницкому сыну, но фройляйн Андахт вся тряслась с перепугу. Антон врезал ему по заднице. Наглый мальчишка резко обернулся, но увидев перед собой Антона Гаста, сразу вспомнил давешние оплеухи и обратился в бегство.

– Ну, от этого типа мы отделались! – сказала Кнопка и протянула Антону руку.

– Пошли отсюда! – сказала фройляйн Андахт. – Давайте зайдем в ресторан-автомат. Антона я тоже приглашаю.

– Браво! – воскликнула Кнопка и схватив мальчика за руку, припустилась бежать.

Но фройляйн Андахт подозвала ее к себе.

– А кто же меня-то поведет? И что подумают люди, если я в своих темных очках тоже бегом побегу?

Итак, Кнопка взяла гувернантку за руку и поволокла за собою вниз по Фридрихштрассе к Ораниенбургским воротам.

– Сколько ты нынче заработал? – спросила она Антона.

– Пятьдесят девять пфеннигов, – печально ответил мальчик. – Какой-то господин дал мне пятьдесят пфеннигов, а не то я вообще остался бы на бобах.

Кнопка что-то сунула ему в руку.

– Спрячь! – таинственно прошептала она.

– В чем дело? – подозрительно осведомилась фройляйн Андахт.

Кнопка возмутилась.

– Что за неуместное любопытство? Я же не спрашиваю вас, зачем вы делаете какие-то странные чертежи.

Тут уж фройляйн Андахт как воды в рот набрала.

Улица была уже довольно пустынной. Гувернантка сняла темные очки и отпустила Кнопкину руку. Они свернули за угол, потом еще раз и еще. И вот они у цели.

РАССУЖДЕНИЕ ШЕСТОЕ

О БЕДНОСТИ

Лет сто пятьдесят тому назад парижская беднота собралась в Версале, где жил французский король и его жена, королева. Это была

демонстрация, ну, вы же знаете, что это такое. Бедняки стояли перед дворцом и кричали: "У нас нет хлеба! У нас нет хлеба!"

Королева Мария-Антуанетта, стоя у окна, спросила у одного офицера в высоком чине:

– Чего хотят эти люди?

– Ваше величество, – отвечал офицер, – они хотят хлеба, у них очень мало хлеба, а они очень голодны.

Королева удивленно покачала головой.

– Им не хватает хлеба? – переспросила она. – Пусть тогда едят пирожные!

Вы, вероятно, подумали, что она сказала это, желая посмеяться над бедными людьми? Нет, она просто не знала, что такое бедность! Она полагала, что если вдруг почему-либо не хватает хлеба, то можно съесть пирожное. Она не знала своего народа, не знала нужды и год спустя ей отрубили голову. Вот чем для нее это все закончилось.

А не думаете ли вы, что с бедностью легче было бы покончить, если бы богатые дети уже с младых ногтей знали, как плохо живется беднякам? Не кажется ли вам, что тогда богатые дети сказали бы себе: вот когда мы вырастем и вступим во владение банками, поместьями и фабриками наших отцов, рабочим станет жить легче! Потому что в свое время дети рабочих были их товарищами по играм и забавам…

Вы верите, что такое возможно?

Хотите помочь осуществить это?

Глава седьмая

ФРОЙЛЯЙН АНДАХТ НАПИВАЕТСЯ

В ресторане-автомате сидело и стояло множество самых странных личностей, и Кнопка обожала сюда ходить, ей это казалось в высшей степени интересным.

Антон зевал и щурил глаза от усталости.

– Кошмар, – пожаловался он, – сегодня на арифметике я по-настоящему заснул. Господин Бремзер так на меня накинулся! Он орал, что я чуть с парты не свалился, что мне должно быть стыдно, что мои домашние задания тоже в последнее время оставляют желать много лучшего. А если так и дальше пойдет, он напишет письмо моей матери.

– Боже ты мой! – воскликнула Кнопка. – Только этого еще не хватало! Он не знает, что твоя мама больна и тебе приходится и готовить, и деньги зарабатывать?

– Откуда он может это знать? – удивился Антон.

– От тебя, ясное дело, – пожала плечами Кнопка.

– Да я лучше себе язык откушу, – заявил Антон.

Кнопка не поняла его. Она повернулась к фройляйн Андахт. Гувернантка сидела в своем углу, уставившись в одну точку.

Внезапно она вздрогнула и словно бы очнулась.

– Так что вы хотите? – спросила она.

– Апельсины со взбитыми сливками, – предложила Кнопка, и Антон поддержал ее предложение.

Гувернантка встала и направилась к стойке.

– Где ты взяла деньги, которые сунула мне? – спросил мальчик.

– Эта Андахт все денежки отдает своему жениху, имею же я право немножко от нее утаить! Тсс, и не смей возражать мне! – строго распорядилась она. – Смотри-ка, она опять дует шнапс! Господи помилуй, да она же пьянчуга! Знаешь, сегодня она сидела в своей комнате и чертила какие-то прямоугольники. На одном было написано "гостиная", на другом "кабинет". А больше я ничего не успела заметить.

– Это был план квартиры! – догадался Антон.

Кнопка хлопнула себя по лбу.

– Ах, я дура! Как же я сама не додумалась? Но зачем ей рисовать план квартиры?

Этого и Антон не знал. Наконец, фройляйн Андахт вернулась и принесла детям разделенные на дольки апельсины. Сама же она пила коньяк.

– Мы сегодня заработали как минимум три марки, – сказала она, – а в сумке только одна марка восемьдесят пфеннигов. Как это понять?

– Может, сумка прохудилась? – предположила Кнопка.

Фройляйн Андахт поспешила проверить это предположение.

– Нет, сумка цела, – сказала она, – ни одной дырочки.

– Странно, – заметила Кнопка. – Можно подумать, кто-то нас обокрал. – Она тяжело вздохнула и пробурчала: – Ну и времена!

Фройляйн Андахт промолчала, допила свою рюмку и отправилась за следующей.

– Мы часами торчим на этом мосту, а она потом все пропивает, – вслед ей проворчала Кнопка.

– А тебе вообще лучше было бы дома сидеть, – заявил Антон. – Если твои родители дознаются, будет такой скандал!…

– Ну и пусть! – сказала Кнопка. – Я что, сама себе гувернантку выбирала?

Антон взял с соседнего столика бумажную салфетку, свернул из нее кулечек и положил в него шесть апельсиновых долек. Кулек он спрятал в чемоданчик. И так как Кнопка смотрела на него вопросительно, он смущенно пояснил:

– Это для мамы.

– Ой, совсем забыла! – воскликнула она, роясь в кармане. – Вот, смотри! – Она что-то протягивала ему.

Он нагнулся к ней.

– Зуб? Сам выпал?

– Дурацкий вопрос! – оскорбилась Кнопка. – Хочешь, возьми на память.

Но мальчик мало интересовался зубами и Кнопка снова спрятала свою реликвию. Вернулась фройляйн Андахт, уже изрядно под хмельком, и заявила, что им пора идти. Вместе они дошли до моста Вейдендамм и там простились.

– Твоего классного руководителя зовут Бремзер? – спросила еще Кнопка. Антон кивнул.

– Завтра после обеда я опять к тебе зайду, – пообещала девочка.

Он с радостью пожал ей руку, отвесил поклон фройляйн Андахт и убежал.

Кнопка и фройляйн Андахт без всяких приключений добрались до дому. Родители все еще были в гостях у генерального консула Олериха. Кнопка заснула, едва положив голову на подушку. Пифке тихонько заворчал, недовольный тем, что его разбудили. Гувернантка направилась в свою комнату, спрятала нищенские одеяния в ящик комода, заперла его на ключ и тоже отошла ко сну.

А Антон еще не мог лечь спать. Он прокрался по коридору мимо маминой комнаты, зажег свет на кухне, спрятал свой чемоданчик, потом сел за стол и, подперев голову руками, зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть. Затем достал маленькую синюю тетрадку и карандаш. Раскрыл тетрадку. "Приход" – стояло на одной странице. "Расход" на другой. Он сунул руку в карман брюк, вытащил горстку монет и разложив их на столе, пересчитал. Две марки и пятьдесят пфеннигов. Если бы не Кнопка и тот славный дядька, у меня сейчас было бы всего сорок пять пфеннигов, подумал он и записал сегодняшнюю прибыль в тетрадь.

Вместе с деньгами, которые он тайком хранил в коробке с тушью, у него теперь было пять марок шестьдесят пфеннигов, но пять марок хозяин требует за квартиру! Значит, на еду остается шестьдесят

пфеннигов. Он заглянул в крохотную кладовку. Картошка еще есть. На кухонной доске лежала корочка шпика. Если натереть этой корочкой сковородку, можно, пожалуй, приготовить завтра жареную картошку. Но с четвертью фунта ливерной колбасы опять ничего не получится! А он так любит ливерную колбасу! Антон снял ботинки, выложил на тарелку апельсиновые дольки, погасил свет и крадучись вышел из кухни. У двери в спальню он остановился и прижал к ней ухо. Мама спала. Он слышал ее спокойное дыхание. Она даже чуть всхрапывала. Антон погладил дверь и улыбнулся. Мама как раз опять всхрапнула. Тогда он на цыпочках вошел в другую комнату. В темноте разделся, повесил костюм на спинку стула, спрятал деньги в коробку с тушью, забрался на диван и потеплее укрылся.

А запер ли он входную дверь? Выключил ли газ? Антон беспокойно ворочался с боку на бок, потом все-таки встал и пошел проверить, все ли в порядке.

Все было в порядке. Он снова лег. Арифметику он сделал. К диктанту тоже подготовился. Надо надеяться, господин Бремзер не станет писать письмо маме. Ведь тогда выяснится, что вечерами он торчит на мосту Вейдендамм, торгуя шнурками для ботинок. Кстати, достаточно ли у него шнурков? Коричневых, пожалуй, надолго не хватит. Видимо, коричневых ботинок носят больше, чем черных. Или коричневые шнурки быстрее рвутся?

Антон улегся поудобнее. Скорей бы уж мама поправилась! Наконец, он тоже уснул.

РАССУЖДЕНИЕ СЕДЬМОЕ

О СЕРЬЕЗНОСТИ ЖИЗНИ

Недавно я побывал на ярмарке в Ростоке. Улицы, полого спускавшиеся к реке Варнов, были сплошь уставлены будками, а внизу,

на самом берегу крутились карусели. От шума, и веселого гама я тоже повеселел, подошел к палатке, торгующей сладостями и потребовал рахат-лукуму на десять пфеннигов. Потрясающе вкусно!

Мимо шел мальчик с мамой. Он схватил ее за рукав и сказал:

– Хочу еще пряник!

А надо заметить, что в руках у него было уже пять пакетов с пряниками.

Мама притворилась, что не слышит. Тогда мальчик остановился, топнул ногой и завопил:

– Еще пряник!

– Да у тебя уже целых пять пакетов с пряниками, – увещевала его мама. – Ты только подумай, бедным детям вообще не покупают пряников.

Вы знаете, что ответил этот мальчик?

Он закричал сердито:

– Какое мне дело до бедных детей?

Я так испугался, что чуть не поперхнулся рахат-лукумом. Чуть не проглотил его вместе с бумагой. Ах, дети, дети! Разве в такое можно поверить?

Этому парнишке незаслуженно повезло иметь состоятельных родителей, а он развопился: "Какое мне дело до бедных детей?" И это вместо того, чтобы подарить бедным детям хотя бы два из пяти своих

пакетов и радоваться, что смог доставить им хоть маленькое удовольствие!

Жизнь – штука серьезная и трудная. И если люди, у которых все хорошо, не хотят по доброй воле помочь тем, кому худо, это может плохо кончиться.

Глава восьмая

ГОСПОДИНУ БРЕМЗЕРУ ОТКРЫВАЮТ ГЛАЗА

По пятницам Кнопка возвращалась из школы на час раньше обычного. Директор Погге это знал и посылал за ней машину. В этот час машина была ему не нужна, а Кнопка так любила кататься!

Когда она вышла из школы, шофер приложил руку к козырьку и открыл дверцу машины. Девочка подбежала к нему и протянула руку.

– Здрасьте, господин Холлак, – сказала она.

Ее школьные подружки уже предвкушали удовольствие. Дело в том, что если за Кнопкой Погге приезжала машина, то она увозила столько девочек, сколько туда могло набиться. Но сегодня, уже стоя на подножке, Кнопка повернулась, окинула всех печальным взглядом и проговорила:

– Девочки, не обижайтесь, но сегодня я поеду одна.

Девочки стояли вокруг, как побитые собачонки.

– У меня очень важное дело, – объяснила Кнопка. – А вы мне будете только мешать.

С этими словами она одна уселась в большущий автомобиль, сказала шоферу адрес и машина тронулась. А два десятка девчонок печально смотрели ей вслед.

Через несколько минут машина остановилась перед высоким зданием, и это опять была школа!

– Милый господин Холлак, – сказала Кнопка, – если можно, подождите меня, я на минутку.

Господин Холлак кивнул и Кнопка опрометью ринулась к школьному крыльцу. Перемена еще не кончилась. Кнопка поднялась на второй этаж и спросила какого-то мальчика, где тут учительская. Он проводил ее. Она постучалась. Так как никто ей не открыл, она постучалась еще раз, уже довольно громко.

Дверь, наконец, отворилась. Перед ней стоял высокий молодой человек. Он жевал бутерброд.

– Вкусно? – осведомилась Кнопка.

Молодой человек засмеялся.

– А еще что тебя интересует?

– Я хотела бы поговорить с господином Бремзером, – ответила она. – Моя фамилия Погге.

Прожевав кусок, молодой человек сказал:

– Ну что же, заходи.

Они вместе вошли в просторную комнату со множеством стульев. На каждом стуле сидело по учителю и при виде этой пугающе прекрасной картины у Кнопки захватило дух. Молодой человек подвел Кнопку к окну. На подоконнике сидел старый толстый учитель с огромной лысиной.

– Бремзер, – сказал Кнопкин знакомец, – позволь тебе представить фройляйн Погге. Она хочет поговорить с тобой.

И он оставил их наедине.

– Ты хочешь поговорить со мной? – спросил учитель Бремзер.

– Да, – ответила Кнопка. – Вы ведь знаете Антона Гаста?

– Он учится в моем классе, – сказал господин Бремзер, глядя в окно.

– Вот именно, – удовлетворенно сказала Кнопка. – Я вижу, мы донимаем друг друга.

Мало-помалу в господине Бремзере просыпалось любопытство.

– Так что же такое с Антоном?

– Он заснул на уроке арифметики, – начала Кнопка. – И домашние задания он, по вашему мнению, делает все хуже и хуже.

– Совершенно верно.

Между тем к ним стали подходить и другие учителя, им тоже хотелось знать, что тут происходит.

– Прошу прощения, господа, – заявила Кнопка, – но не могли бы вы вернуться на свои места? Мне необходимо поговорить с господином Бремзером с глазу на глаз.

Учителя рассмеялись и вернулись на свои стулья. Но разговоров не заводили, а сидели, навострив уши.

– Я подруга Антона, – заговорила опять Кнопка. – Он сказал мне, что если так и дальше пойдет, вы собираетесь написать письмо его маме.

– Совершенно верно. Сегодня он на уроке географии вытащил из кармана тетрадку и что-то в ней считал. Я намерен сегодня же отправить письмо его матери.

Кнопке ужасно хотелось выяснить, нельзя ли смотреться в лысину учителя Бремзера как в зеркало? Но у нее не было на это времени.

– А теперь послушайте меня, – проговорила она. – Мать Антона очень больна. Она лежала в больнице. Понимаете, у нее внутри что-то выросло, и в больнице ей это вырезали, а теперь она уже две недели лежит дома и не может работать.

– Я этого не знал, – признался господин Бремзер.

– Она лежит в постели и даже готовить не может. Но кто-то ведь должен готовить! И знаете, кто у них готовит? Антон! Представьте себе, он может и картофельную солянку приготовить, и яичницу-болтушку и еще многое другое, просто блеск!

– Я и об этом ничего не знал, – оправдывался господин Бремзер.

– Она уже сколько времени больна, но кто-то же должен зарабатывать деньги! И вы знаете кто зарабатывает? Антон! Конечно,

этого вы тоже не знали. – Кнопка уже начинала сердиться. – А что вы вообще-то знаете?

Учителя расхохотались. Господин Бремзер залился краской, и лысина его тоже покраснела.

– И чем же он зарабатывает? – спросил учитель.

– Этого я вам не скажу! – отрезала Кнопка. – Могу вам только сообщить, что бедняга день и ночь бьется как рыба об лед. Он любит свою маму и вкалывает как проклятый, он и готовит и деньги зарабатывает, платит за еду, за квартиру, а если ему надо подстричься, платит парикмахеру в рассрочку. Меня удивляет только, что он не все ваши уроки проспал.

Господин Бремзер молчал. Остальные учителя сидели, затаив дыхание. Кнопка вошла в раж.

– А вы тут сидите и пишете письмо его матери, мол, ее сын лентяй! Ну знаете, это уж слишком! Бедная женщина наверняка снова расхворается с горя, если вы пошлете ей письмо. Может, у нее из-за вас опять что-нибудь вырастет и она снова попадет в больницу! Но тогда уж и Антон заболеет, это я вам обещаю! Долго он так не выдержит!

– Да не ругайся ты так! – взмолился господин Бремзер. – Но почему, скажи на милость, он сам ни словом об этом не обмолвился?

– Вот тут вы правы, – признала Кнопка, – Я тоже его об этом спросила, и знаете, что он мне ответил?

– Ну? – спросил учитель, а его коллеги вновь поднялись со стульев и встали полукругом возле девочки.

– Лучше я откушу себе язык, – вот что он мне ответил, – доложила Кнопка. – Вероятно, он очень гордый мальчик.

Господин Бремзер слез, наконец, с подоконника.

– Хорошо, – сказал он, – я не стану писать его маме.

– Правильно! – одобрила его Кнопка. – Вы славный человек. Я это сразу поняла. Большое вам спасибо.

Учитель проводил ее до двери.

– Я тоже очень тебе благодарен, девочка.

– Да, еще одно, чуть не забыла. Не говорите Антону, что я была у вас.

– Буду нем, как рыба! – согласился господин Бремзер и погладил Кнопку по руке.

Тут прозвенел звонок. Перемена кончилась. Кнопка вихрем понеслась вниз по лестнице, вскочила в машину, и они поехали домой. Всю дорогу она подпрыгивала на мягком сидении и напевала себе под нос.

РАССУЖДЕНИЕ ВОСЬМОЕ

О ДРУЖБЕ

Не знаю, поверите вы мне или нет, но я завидую Кнопке. Не часто ведь выпадает возможность оказаться в такой мере полезной своему другу. А еще реже удается сослужить службу другу в полной тайне! Господин Бремзер не станет писать письма Антоновой маме. И не будет

больше распекать мальчика. Антон сперва, конечно, удивится, потом обрадуется, а Кнопка будет тайком потирать руки. Ей-то хорошо известно, в чем тут дело. Без нее все пошло бы вкривь и вкось.

Но Антон ничего об этом не узнает. Кнопке не нужна его благодарность. Сам поступок служит ей наградой. А все другое не увеличило бы ее радость, а скорее уменьшило.

Я желаю каждому из вас иметь настоящего хорошего друга. И еще желаю всем вам не упустить случая доказать ему свою дружбу, но втайне от него самого. Спешите сами узнать, какое это счастье – делать счастливыми других!

Глава девятая

ФРАУ ГАСТ РАЗОЧАРОВАНА

Пока Антон искал в школьном ранце ключ от квартиры, дверь вдруг распахнулась. На пороге стояла мама.

– Здравствуй, мой мальчик! – сказала она с улыбкой.

– Здравствуй! – ошеломленно ответил он. Потом подскочил от радости и даже рискнул обнять маму. И наконец воскликнул:

– До чего же я рад, что ты опять на ногах!

Они пошли в комнату. Антон, усевшись на диван, следил за каждым маминым шагом.

– Пока еще трудновато ходить, – пожаловалась она, устало опускаясь рядом с ним. – Ну, как дела в школе?

– Рихард Науманн на географии заявил, что в Индии живут индейцы. До чего же глупый малый! А Шмитц так ущипнул Праманна, что тот свалился с парты. Господин Бремзер спросил, что случилось. А Праманн сказал, что у него, кажется, завелась блоха или даже две. А тут Шмитц как вскочит, как заорет, что он не желает сидеть с человеком, у которого блохи. Ему, мол, родители не позволяют. Мы чуть со смеху не померли. – Антон смеялся, как заведенный, все не мог остановиться. Наконец, он спросил: – Тебе сегодня не до шуток, да?

– Давай, рассказывай, что было дальше? Антон откинул голову на спинку дивана, вытянул ноги.

– На последнем уроке господин Бремзер был очень мил со мной, сказал, чтобы я заходил к нему, когда у меня будет время.

Вдруг Антон вскочил с криком:

– Ах, я идиот! Пора готовить обед!

Но мама удержала его и показала на стол. Там уже стояли тарелки и большая дымящаяся супница.

– Чечевица с сосисками? – спросил он.

Мама кивнула. Они сели и принялись за еду. Антон уписывал за обе щеки. Когда он все подчистил, мама дала ему добавки. Он пришел в восторг, но тут же заметил, что ее порция так и осталась нетронутой. Тут и у него аппетит пропал. Он грустно возил ложкой в тарелке с чечевицей, вылавливая кусочки сосисок. Молчание наполняло комнату, подобно туману, несущему с собою какую-то неясную угрозу.

Наконец, Антон не выдержал.

– Мамочка, я что-то не так сделал? Иногда и сам не заметишь, как… Или это из-за денег? Вообще-то, можно было обойтись и без сосисок.

Он с нежностью дотронулся до маминой руки. Но мама поспешно встала и унесла на кухню грязную посуду. Потом вернулась и сказала:

– Садись за уроки, я скоро приду.

Он сел на стул и покачал головой. Что же он такое натворил? Хлопнула входная дверь. Он открыл окно, сел на подоконник и выглянул на улицу. Прошло довольно много времени, прежде чем из подъезда вышла мама. Она шла маленькими шажками. Ей еще трудно было ходить. Она пошла вниз по Артиллериштрассе, потом свернула за угол.

Антон с тяжелым сердцем вернулся к столу, придвинул к себе чернильницу и принялся жевать кончик ручки.

Наконец, мама вернулась. Она принесла небольшой букетик цветов, налила воду в вазу с синими крапушками, поставила цветы, отщипнула увядшие лепестки, закрыла окно и молча встала возле него спиной к Антону.

– Красивые цветы, – проговорил мальчик. Он сидел сцепив руки и едва дыша от беспокойства. – Первоцвет, да?

Мама стояла поблизости, но совсем как чужая. Она смотрела в окно и спина ее вздрагивала. Лучше всего было бы подбежать к ней. Но он только привстал и взмолился:

– Скажи же хоть слово!

Голос его прозвучал так тихо, что, возможно, она его и не услышала.

А потом она вдруг спросила, так и не обернувшись:

– Какое сегодня число?

Он удивился, но, чтобы не сердить ее больше, подбежал к настенному календарю и громко сказал:

– Девятое апреля.

– Девятое апреля, – повторила она и прижала к губам платок.

И тут он понял, в чем дело! У мамы же сегодня день рождения! А он об этом забыл!

Антон рухнул на стул, весь дрожа. Он закрыл глаза и ему захотелось умереть, сию же минуту, не сходя с места… Так вот почему она сегодня встала. Вот почему сварила чечевичный суп с сосисками! И ей пришлось самой себе купить цветы! А сейчас она стоит у окна, покинутая всеми. А он даже не смеет подойти к ней, обнять ее.

Конечно, она не сможет простить его. Вот если бы он мог в два счета заболеть… Тогда бы она, конечно, пришла бы к его постели, простила бы его. Он встал и направился к двери. Потом еще раз обернулся и спросил с мольбой в голосе:

– Ты меня звала, мама?

Но она молча и неподвижно стояла, опершись на подоконник. Тогда он выскочил из комнаты, бросился в кухню, упал на стул возле плиты, ожидая что сейчас расплачется. Но слезы не приходили. Только изредка он вздрагивал, словно кто-то хватал его за воротник.

Затем он достал свою коробку с тушью и взял оттуда одну марку. Ничто уже не имеет смысла. Он сунул марку в карман. Может, все-таки сбегать вниз и купить ей что-нибудь в подарок? Подарок можно будет сунуть в почтовый ящик и убежать. И никогда больше не возвращаться! Шоколадка легко пролезет в щель почтового ящика, а к ней можно добавить и поздравительную открытку. "От твоего глубоко несчастного сына Антона", – мог бы он написать на ней. По крайней мере, у мамы останется добрая память о нем.

Он на цыпочках выскользнул из кухни, прошел по коридору, очень осторожно нажал на дверную ручку, вышел и тихонько, как вор, прикрыл за собою дверь.

Мать еще долго стояла у окна и смотрела сквозь стекло на улицу, как будто там, внизу, лежала вся ее убогая безотрадная жизнь. Ничего, кроме горя, не было в ней, ничего, кроме болезней и забот. В том, что сын забыл про день ее рождения, ей почудилось какое-то знамение. Вот и сына она мало-помалу теряет. А с ним и сама жизнь ее теряет последний смысл. Когда ее оперировали, она думала: я должна выжить, что станется с Антоном, если я умру? А теперь он забыл день ее рождения!

Наконец, в ней проснулась жалость к мальчику. Куда он подевался? Конечно же, он давно раскаялся в своей забывчивости. "Ты звала меня, мама?" – спросил он, прежде чем малодушно покинуть квартиру. Нельзя же быть такой черствой! Мальчик был вконец подавлен. Ей не следовало держаться с ним так сурово, в последнее время он столько вытерпел из-за нее! Сперва он каждый день навещал ее в больнице. Ему приходилось питаться в "народной кухне" для неимущих. День и ночь он был один как перст. Потом ее перевезли домой. Целых две недели она пролежала, а он и готовил и за покупками бегал и даже несколько раз мыл пол.

Она принялась искать сына. Зашла в спальню. Заглянула на кухню. И даже в уборную. Потом зажгла свет и посмотрела за шкафом.

– Антон! – крикнула она. – Мальчик мой, иди ко мне, я больше не сержусь! Антон!

Она звала его то громко, то тихо и нежно. Но Антона в квартире не было. Он убежал! Она заволновалась. И продолжала с мольбой звать его. Но все напрасно.

Его не было! Тогда она вышла и побежала вниз по лестнице, искать своего мальчика.

РАССУЖДЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

О САМООБЛАДАНИИ

Вам нравится Антон? А я его просто люблю. Но вот то, что он взял да и убежал, оставив маму в одиночестве, честно говоря, мне не слишком нравится. К чему мы придем, если каждый, совершив какую-то ошибку, будет убегать куда глаза глядят? Это даже и вообразить невозможно! Нельзя отчаиваться, ни в коем случае!

Да и голову терять никогда не следует. Вот, к примеру, мальчик получил плохие отметки, или учитель написал письмо родителям, или ребенок нечаянно разбил дорогую вазу… Как часто можно прочесть: "… убежал, боясь наказания. Исчез бесследно. Родители опасаются самого худшего".

Нет, господа, так дело не пойдет! Если ты что-то натворил, необходимо собраться с духом и признаться в содеянном. А если уж очень боишься наказания, то надо было думать вовремя.

Самообладание важная и очень ценная черта характера. И что в нем особенно примечательно – самообладанию можно научиться. Например, Александр Македонский, чтобы не совершать необдуманных поступков,

прежде чем что-то сделать, всегда считал до тридцати. Уверяю вас, это замечательный рецепт. Попробуйте сами при случае!

А еще лучше считать до шестидесяти.

Глава десятая

ЭТО МОГЛО ПЛОХО КОНЧИТЬСЯ

– Добрый день, фрау Гаст, – сказал кто-то, едва она вышла из дому. – Вы сегодня прекрасно выглядите.

Это была Кнопка с Пифке на руках. Вообще-то девочке показалось, что мать Антона страшно бледна и взволнована. Но Антон ведь просил ее говорить, что его мать прекрасно выглядит. А Кнопка всегда держит слово, да!

Фройляйн Андахт сейчас танцует со своим ненаглядным женихом у Зоммерлатте. За ней велено зайти ровно в шесть.

Фрау Гаст растерянно оглянулась и, не сказав ни слова, подала Кнопке руку.

– А где Антон?

– Убежал, – прошептала фрау Гаст. – Понимаешь, он убежал от меня. Я на него рассердилась, он забыл, что у меня сегодня день рождения.

– От всего сердца поздравляю вас, – сказала Кнопка. – Я хочу сказать, поздравляю с днем рождения.

– Спасибо тебе, – ответила женщина, – Где он может быть?

– Вы только не отчаивайтесь, – утешила ее Кнопка. – Мы его отыщем. Кто ищет – тот всегда найдет! Как вы думаете, может, нам стоит заходить подряд во все лавки и спрашивать о нем?

Так как мать Антона, казалось, ничего не слышала, а только вертела головой в разные стороны, Кнопка решительно взяла ее под руку и потащила в молочную, находившуюся в соседнем доме. Таксу она спустила на землю и сказала:

– Будь хорошей собакой, найди Антона!

Но Пифке опять ни слова по-немецки не понял.

А Антон в это время покупал шоколад. Продавщица, пожилая дама с огромным зобом, недоверчиво глянула на него, когда он с выражением смертельной скорби на лице спросил плитку лучшего молочного шоколада.

– Это подарок ко дню рождения, – пояснил он уныло.

Тут она стала немного приветливее, завернула шоколадку в подарочную шелковую бумагу, перевязала бледно-голубой шелковой лентой и сделала пышный бант.

– Очень, очень вам благодарен, – сказал он серьезно, осторожно спрятал плитку в карман и расплатился. Она дала ему сдачу и он отправился в магазин канцелярских принадлежностей. Там он подобрал в альбоме открытку с поздравлением по случаю дня рождения. Открытка была чудесная. На ней был изображен толстый веселый посыльный, державший в каждой руке по большущему горшку с цветами. У ног его золотыми буквами было выведено: "Сердечно поздравляю с днем рождения и желаю счастья!"

Антон с болью разглядывал эту открытку. Потом подошел к высокой конторке и на обратной стороне открытки старательно вывел каллиграфическим почерком: "От твоего глубоко несчастного сына Антона. Милая мамочка, не обижайся на меня, это я не со зла". Затем он засунул открытку под голубой бант, украшавший плитку шоколада и выскочил на улицу. А так как он был предельно растроган собственной печальной судьбой, то боялся разреветься, и шел, низко опустив голову.

Уже в подъезде его охватил панический страх. Как индеец по тропе войны крался он по лестнице на пятый этаж. На цыпочках приблизился к двери. Приподняв крышку почтового ящика, опустил туда свой подарок. Бесшумно сделать это не удалось и сердце его отчаянно забилось.

Но в квартире ничто не шелохнулось.

Вообще-то, лучше всего ему сейчас убежать и где-нибудь быстренько умереть. Но это было выше его сил. Он робко нажал на звонок. И в два счета оказался на один пролет ниже. Там он остановился, затаив дыхание. В квартире по-прежнему стояла мертвая тишина.

Тогда он отважился еще раз приблизиться к двери. И снова позвонил. И снова сбежал вниз по ступенькам.

И снова ни звука! В чем же дело? Что-то случилось с мамой? Неужели она опять заболела, рассердившись на него? Может, она лежит в постели не в силах пошевелиться? А он не взял с собой ключей. А вдруг она открыла газ, чтобы отравиться с горя? Он кинулся к двери, и что было сил ударил по почтовому ящику. Ящик громко задребезжал. Он молотил кулаками по двери и кричал в замочную скважину:

– Мама! Мама! Это я! Открой!

В квартире никакого движения.

Он, всхлипывая, опустился на соломенный коврик. Теперь все было кончено.

Фрау Гаст и Кнопка заходили во все лавки и мастерские, где могли знать Антона, и справлялись о нем. Но ни молочник, ни булочник, ни зеленщик, ни сапожник, ни водопроводчик и в глаза его сегодня не видали.

Кнопка подбежала к полицейскому, стоявшему на перекрестке, и тоже спросила об Антоне. Но он только покачал головой, продолжая обеими руками регулировать уличное движение. Пифке не понравилось, как полицейский машет руками, и он сердито тявкнул. Фрау Гаст поджидала Кнопку на тротуаре, испуганно озираясь по сторонам.

– Ничего, – доложила Кнопка. – Знаете что? Лучше всего нам сейчас пойти домой. Но фрау Гаст не пошевелилась.

– Может быть, он в подвале?

– В подвале? – переспросила фрау Гаст.

– Да, или на чердаке? – предположила Кнопка.

И они со всех ног бросились через улицу, к дому.

Едва фрау Гаст собралась открыть дверь в подвал, как наверху раздались чьи-то рыдания.

– Это он! – закричала Кнопка.

Мать Антона, смеясь и плача, ринулась наверх с такой быстротой, что Кнопка едва за нею поспевала.

– Антон! – крикнула мать. И сверху в ответ раздалось:

– Мамочка! Мама!

Они вихрем неслись по лестнице навстречу друг другу. Кнопка остановилась на втором этаже. Ей не хотелось мешать им и она рукой зажала пасть Пифке.

Встретившись на полпути, мать и сын упали друг другу в объятия. Он гладил ее, она гладила его, и они никак не могли остановиться, словно не смели поверить, что вновь обрели друг друга. А потом они сидели на ступеньках, держась за руки, и улыбались. Оба страшно устали и уже не помнили ни о чем, кроме своей радости. Наконец, мама сказала:

– Пойдем, сыночек, не можем же мы все время тут сидеть. А вдруг нас кто-нибудь увидит…

– Да, – согласился он, – это ни к чему. Нас никто бы не понял.

И по-прежнему держась за руки, они стали взбираться по лестнице. Когда мама уже открыла дверь и вместе с ним вошла в квартиру, он шепнул ей на ухо:

– Загляни-ка в почтовый ящик! Она заглянула и воскликнула, хлопнув в ладоши:

– Э, да здесь что-то есть. Наверное поздравление!

– Да? – спросил Антон и, повиснув у нее на шее, пожелал ей ужасно много счастья, здоровья и всего-всего самого доброго. То, что было написано на обороте открытки, она прочла потом, когда варила кофе. И немножко всплакнула. Но теперь эти слезы даже доставили ей удовольствие.

Вскоре раздался звонок. Фрау Гаст открыла дверь.

– Ах, про тебя-то я и забыла!

– Еще раз примите мои самые сердечные поздравления, – благовоспитанно проговорила Кнопка. – Может быть, нам стоит познакомиться поближе?

Тут появился Антон и приветствовал Кнопку и Пифке.

– Из-за тебя и поседеть можно! – с укоризной сказала Кнопка. – Мы как безумные тебя искали.

И она щелкнула его по носу.

Фрау Гаст принесла кофейник и они втроем торжественно пили кофе. Пирога, правда, не было, но тем не менее все трое остались очень довольны. А Пифке даже пролаял в честь новорожденной серенаду.

После кофе и светской беседы, мама сказала:

– А теперь пойдите погуляйте. А я прилягу. Для первого дня, пожалуй, многовато было событий. Сегодня я буду прекрасно спать.

На лестнице Антон сказал Кнопке:

– Этот день я надолго запомню.

РАССУЖДЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

О СЕМЕЙНОМ СЧАСТЬЕ

У взрослых свои заботы. А у детей свои. Иной раз эти заботы даже больше самих детей и взрослых, и тогда они, эти самые заботы, оттого что очень уж велики и широки, отбрасывают слишком много тени. И оказавшиеся в этой тени дети и взрослые сильно мерзнут. Вот, например, ребенок подходит к отцу с каким-то вопросом, а отец брюзжит: "Оставь меня в покое! У меня и без тебя голова пухнет!" Фу! В результате ребенок куда-то забивается, а отец сидит, закрывшись газетой. И если в комнату входит мать и спрашивает, что тут такое, оба ей отвечают: "Ничего особенного!" Это все означает, что с семейным счастьем у них не все ладно! А иной раз родители все время ссорятся, или, как родители Кнопки, почти не бывают дома и дети брошены на чужих людей, к примеру, на какую-нибудь фройляйн Андахт. Или на кого-то в этом роде. И уж тогда…

Пока я писал, мне вдруг подумалось, что это рассуждение следовало бы прочитать взрослым. Так вот, если ваши родители опять не ладят друг с другом, откройте книжку на этой странице и дайте им прочесть. Договорились? Не пожалеете!

Глава одиннадцатая

ГОСПОДИН ПОГГЕ УЧИТСЯ ШПИОНИТЬ

Когда под вечер господин директор Погге вернулся домой, у дверей его поджидал Готфрид Клеппербейн.

– Вы сзади испачкались, господин директор! – сказал он. – Одну минутку.

Отец Кнопки остановился и привратницкий сын почистил ему пальто, хотя оно вовсе не было грязным. Это был испытанный трюк и скверный мальчишка таким манером заработал уже кучу денег.

– Ну вот и все! – сказал он и протянул руку за деньгами.

Господин Погге сунул ему грош и собрался было войти в подъезд. Но Готфрид Клеппербейн загородил ему дорогу.

– Я должен кое-что сообщить господину директору. Мое сообщение потянет на целых десять марок, – заявил он.

– А ну-ка пропусти! – приказал директор Погге.

– Это касается вашей доченьки! – шепнул Клеппербейн, еще и подмигнув.

– В чем дело?

– Десять марок, иначе ни слова не скажу! – заявил мальчишка, вновь протягивая руку.

– Я плачу только по получении товара, – сказал Кнопкин отец.

– Честняк? – спросил мальчишка.

– Что? Ах, ну да, конечно, честняк!

– Вы нынче вечером опять уходите?

– Мы идем в Оперу, – сказал господин Погге.

– Тогда вы только сделайте вид, что идете в театр, – посоветовал Готфрид Клеппербейн. – А сами станьте напротив подъезда, и если через четверть часа вы не увидите кое-что интересненькое, пусть я останусь с носом.

– Заметано, – сказал господин Погге и, отодвинув мальчишку, вошел в дом.

Перед уходом в театр родители, как всегда зашли к Кнопке в детскую. Кнопка уже лежала в постели, а фройляйн Андахт читала ей сказку про Аладдина и волшебную лампу.

Мать укоризненно покачала головой.

– Чтобы такой большой девочке читали вслух сказки…

– Ах, сказки, это так увлекательно, там столько приключений, волшебства и вообще всяких чудес! – разъяснила Кнопка матери. – Это такое удовольствие!

– Ладно, – сказал отец, – но все же это не самое лучшее чтение перед сном.

– Директор, ты же знаешь, у меня нервы крепкие, – успокоила его Кнопка.

– Ну, желаю тебе спокойно спатеньки, – просюсюкала мать. Сегодня на ней были серебряные туфельки, серебряная шляпка и синее платье, все в кружевах.

– А я вам желаю спокойной слякоти!

– Что ты такое говоришь? – изумилась мать.

– Дождь будет, – сообщила девочка. – У моей ночной рубашки страшный ревматизм.

– А дождь уже идет, – проговорила мать.

– Вот видишь, – обрадовалась Кнопка, – ревматизм меня никогда не обманывает.

Господин Погге спросил фройляйн Андахт, намерена ли она сегодня еще выходить из дому.

– Да как вы могли такое подумать, господин директор!

Когда фрау Погге уже уселась в машину, директор сказал:

– Дай-ка сюда мой билет. Я забыл сигары. Поезжайте, Холлак. Я приеду на такси.

Госпожа Погге, с любопытством взглянув на мужа, отдала ему билет. Он сделал знак шоферу и машина тронулась.

Разумеется, господин Погге не стал возвращаться в дом. Он вовсе не принадлежал к людям, которым свойственно забывать дома свои сигары. Он спрятался за деревом напротив подъезда и стал ждать. А ведь это было довольно глупо – позволить негодному мальчишке морочить себе голову. Директору стало стыдно. Но с другой стороны, он уже несколько дней просто нутром что-то чуял.

Короче говоря, он ждал. Шел мелкий дождик. Улица была пуста. Лишь изредка мимо проезжал автомобиль. Господин директор Погге уже не мог припомнить, когда он в последний раз, как сегодня, стоял под дождем, пытаясь проникнуть в какую-то жгучую тайну. Он достал сигарочницу, вытащил оттуда сигару. Но тут же сообразил, что в темноте тлеющий кончик сигары может выдать его присутствие и

оставил ее во рту незажженной. Если бы сейчас его увидел кто-нибудь из знакомых! Это был бы форменный скандал! "Господин директор Погге торчит вечерами перед собственным домом, как шпик!" – вот какие разговоры пошли бы о нем!

Он посмотрел на окна своей квартиры. В окне детской горел свет. Вот оно!

Ага, свет погас!

А чего он, собственно волнуется? Кнопка, по-видимому, заснула, а фройляйн Андахт потушила свет и пошла к себе. И все-таки сердце у него билось громче обычного. Он пристально смотрел сквозь тьму на дверь своего дома.

И тут дверь отворилась! Господин Погге сжал зубы. И чуть не поперхнулся сигарой. В приотворенную дверь протиснулась какая-то женщина. За собой она вела ребенка. Они двигались в темноте, точно привидения. Дверь захлопнулась. Женщина беспокойно огляделась по сторонам. Господин Погге прижался к дереву. Оба привидения уходили быстро, почти бегом.

Может, это были совсем чужие люди? Господин директор Погге побежал за ними по своей стороне улицы. Он запыхался и рукой прикрывал рот, чтобы не кашлять. Он попадал ногами в лужи, задевал фонарные столбы и вряд ли даже заметил, что у него спустился носок. Но оба призрака и не подозревали, что их преследуют. Ребенок споткнулся, а тощая длинная особа все волокла его за собой. Вдруг они остановились. Остановились неподалеку от места, где тихая улица впадала в оживленную городскую магистраль.

Господин Погге на цыпочках пробежал еще несколько метров. Что там у них стряслось? Он не мог понять. И боялся, что они ускользнут от

него. Он старался даже не мигать, словно за эту долю секунды они могут вовсе исчезнуть с лица земли.

Но нет, обе фигуры, женская и детская, вышли из тени спящих домов и зашагали навстречу свету дуговых фонарей. Женщина теперь была повязана платком. Они шли очень медленно и девочка вела женщину за руку, как будто та внезапно тяжело заболела. Теперь господину Погге, несмотря на людскую толчею, сквозь которую приходилось прокладывать путь, было гораздо удобнее следить за ними. Они миновали вокзал и направились к мосту Вейдендамм. На мосту они остановились и прислонились к перилам.

Дождь продолжал накрапывать.

РАССУЖДЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

О ЛЖИ

Кнопка обманывает своих родителей, это несомненно. И как ни мила вообще эта девочка, то, что она лжет – отвратительно. Будь Кнопка сейчас здесь, мы бы ее спросили: "Послушай, неужели тебе совсем не стыдно? Зачем ты лжешь своим родителям?" Интересно, что бы она нам ответила? Правда, сейчас она стоит на мосту Вейдендамм и мы не в силах ей помешать. Но все-таки, что сказала бы Кнопка, будь она с нами?

"Во всем виновата фройляйн Андахт!" – сказала бы она.

И это была бы пустая отговорка.

Ибо если человек не хочет врать, то никакая сила на свете не сможет его к этому принудить. Может, она боится фройляйн Андахт? Может, гувернантка чем-то пригрозила ребенку?

В таком случае Кнопке достаточно было бы пойти к отцу и сказать: "Директор, фройляйн заставляет меня обманывать вас". Фройляйн Андахт немедленно уволили бы, и все ее угрозы оказались бы пшиком.

Из этого всего следует: Кнопка лжет и это очень неприятно. Но мы надеемся, что, наученная горьким опытом, она исправится и впредь уже лгать не станет.

Глава двенадцатая

КЛЕППЕРБЕЙН ПОЛУЧАЕТ ДЕСЯТЬ МАРОК И ОДНУ ЗАТРЕЩИНУ

Господин Погге стоял посреди улицы и напряженно всматривался в то, что происходило на мосту Вейдендамм. Он видел, как девочка протягивала руку и делала книксен. Прохожие иногда останавливались и давали ей деньги. Тогда малышка снова делала книксен, как бы в знак благодарности. Ему вспомнилась вчерашняя сцена в гостиной. Кнопка стояла лицом к стене и жалобно ее молила: "Спички! Купите спички, господа!" Она репетировала! Теперь уже не было ни малейших сомнений – там, на мосту, его ребенок просит милостыню. Директора Погге кинуло в дрожь.

Он смотрел на долговязую тощую особу рядом с Кнопкой. Разумеется, это фройляйн Андахт. Несмотря на платок и темные очки, он все-таки узнал ее!

А его дочурка в темном ветхом платьишке стоит на мосту, с непокрытой головой, кудрявые волосы намокли от дождя и повисли прямыми прядками. Он поднял воротник пальто. И только тут заметил, что все еще держит в руке незажженную сигару. Она совершенно размокла и он с яростью, словно именно она и была во всем виновата, швырнул сигару в лужу. Тут к нему подошел полицейский и попросил уйти с проезжей части.

– Господин вахмистр, – сказал директор Погге, ступив на тротуар, – а разве маленьким детям разрешено стоять тут по вечерам и просить подаяние?

Полицейский пожал плечами.

– Вы имеете в виду эту парочку на мосту? Ну и что вы от меня хотите? Кто-то же должен приводить сюда эту слепую женщину.

– Она слепая?

– Конечно. И к тому же еще довольно молодая. Они тут почти каждый вечер стоят. Таким людям ведь тоже жить хочется.

Полицейский очень удивился, когда этот незнакомый господин больно сжал ему руку у локтя.

– Да, вот она, нищета, – проговорил полицейский в некотором смущении.

– И подолгу они тут стоят?

– Самое меньшее часа по два. Примерно до десяти.

Господин Погге опять сошел с тротуара. У него было такое лицо, словно он сию минуту ринется на мост, но он вовремя опомнился и поблагодарил полицейского. Тот откозырял и пошел дальше.

Внезапно перед директором Погге вырос Готфрид Клеппербейн, с ухмылкой во всю рожу, и схватил директора за рукав.

– Ну, что я вам говорил, господин директор? – прошептал он. – Или я не оправдал ваших ожиданий?

Господин Погге молчал, не сводя глаз с моста.

– А на другой стороне моста стоит лучший друг вашей уважаемой дочки, – весьма язвительно произнес Клеппербейн. – Он тоже попрошайничает. Но уже по-настоящему. Его зовут Антон Гаст. Он и в школе давно получает помощь на бедность.

Господин Погге все так же, молча, принялся разглядывать Антона. Неужели Кнопка подружилась с нищим? И зачем, собственно, его дочь и ее гувернантка торгуют спичками? Что за этим кроется? Для чего ей нужны эти тайные доходы? Он не знал, что и думать.

– Пришла пора платить гонорар, – заявил Готфрид Клеппербейн, дергая господина Погге за рукав.

Директор вытащил бумажник, достал оттуда десять марок и отдал Клеппербейну.

– Вы пока не убирайте бумажник, – сказал тот, – если дадите мне еще десять марок, я никому больше не скажу, что вы тут видели. А не дадите, я всем растрезвоню и уже завтра утром эта история попадет в газеты. Наверняка, вам это будет очень неприятно!

Тут уж терпение господина Погге лопнуло. Он влепил мальчишке пощечину, и притом очень звонкую. Какие-то прохожие остановились и уже хотели вмешаться, но мальчишка бросился наутек с такой скоростью, что они поняли – этот малец получил по заслугам. Готфрид Клеппербейн бежал во всю прыть. В этой истории ему досталось чересчур много оплеух. Это была уже третья, и он решил удовлетвориться десятью марками. Десять марок и три оплеухи, пока с него достаточно.

Господин Погге просто не мог больше наблюдать, как его ребенок мокнет под дождем. Что же делать? Броситься туда и увезти Кнопку

домой? Но тут у него возникла идея, показавшаяся ему более удачной. Он подозвал такси.

– Гоните как можно скорее на Унтер-ден-Линден, к Опере! – крикнул он шоферу и машина буквально сорвалась с места.

Что же он задумал?

У Антона дела шли очень неважно. Во-первых, он опять стоял на плохой стороне, а во-вторых шел дождь. А в дождь прохожие спешат еще больше обычного. Им просто невмоготу еще останавливаться и доставать кошелек. Итак, дела шли плохо, но настроение у мальчика было отличное. Он радовался примирению с матерью.

Внезапно он вздрогнул. Кто это? Неужто жених фройляйн Андахт, Роберт-Дьявол? Мимо мальчика прошел мужчина в косо надвинутой на глаза кепке. Мальчика он не заметил. Антон захлопнул свой чемоданчик и пошел за ним, держась на некотором расстоянии.

Дойдя до конца моста, мужчина перешел на другую сторону и медленным шагом пошел в обратном направлении. Антон не спускал с него глаз. Вот сейчас жених поравняется с фройляйн Андахт. Антон шел совсем медленно, держась почти вплотную к перилам моста. Вот этот тип подал какой-то знак гувернантке и та явно испугалась. А Кнопка ничего не замечала. Она знай себе делала книксен и жалобно молила прохожих во что бы то ни стало купить у нее спички.

На расстоянии нескольких метров от этой троицы Антон буквально вжался в перила, продолжая следить за происходящим. Мужчина толкнул фройляйн Андахт в бок, она покачала головой, тогда он схватил ее за руку, залез в ее сумку, порылся там и вытащил что-то блестящее. Антон пригляделся – это были ключи.

Ключи? Для чего этот тип отнял ключи у фройляйн Андахт? Жених обернулся. Антон перевесился через перила, чтобы жених его не узнал, и плюнул в Шпрее. Жених прошел мимо, но теперь он очень спешил. Он бегом бежал вниз по Шиффбауэрдамм.

Антон больше не раздумывал. Он бросился в ближайший дорогой ресторан, попросил там телефонную книгу и стал пробегать глазами страницы на букву П.

Затем вытащил из кармана монетку и ринулся к телефонной кабине.

РАССУЖДЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

О НЕГОДЯЯХ

Готфрид Клеппербейн – негодяй. Представители этой человеческой породы встречаются даже среди детей. Что особенно прискорбно. Существует целый ряд признаков, по которым можно определить негодяя. Если человек одновременно ленив и злораден, коварен и ненасытен, жаден до денег и лжив, тогда можно ставить десять против одного, что речь идет о негодяе. Сделать из такого негодяя порядочного человека – самая трудная задача, какую только можно придумать. Черпать воду решетом – детская забава в сравнении с этой задачей. В чем же тут дело? Ведь если человеку как следует объяснить, до чего же прекрасно и приятно быть порядочным, разве не должен он приложить все усилия к тому, чтобы стать таким?

Есть такие подзорные трубы, которые можно удлинять и удлинять. Знаете? Они кажутся красивыми и такими маленькими, что их можно спрятать в карман. А можно вытянуть на целых полметра. Вот так же, на мой взгляд, обстоит и с негодяями. А может и с людьми вообще. Они уже детьми проявляют себя в том качестве, в каком пребудут позднее. Вроде тех складных подзорных труб. Они только растут, но не

меняются. Что не заложено в человеке изначально, то из него уже никакими силами не добудешь, хоть на голову встань...

Глава тринадцатая

ТОЛСТАЯ БЕРТА МАШЕТ БУЛАВОЙ

Толстая Берта сидела на кухне, ела бутерброд с колбасой и пила кофе. Сегодня у нее был выходной и она ходила гулять с подругой, но поскольку лил дождь, она вернулась раньше обычного. Сейчас она глушила свою злость на испорченный дождем выходной при помощи ливерной колбасы и читала иллюстрированный журнал.

Вдруг раздался телефонный звонок.

– Ох, еще и это, – проворчала она и, шаркая, направилась к телефону. – Квартира директора Погге!

– Могу я поговорить с господином директором? – спросил детский голос.

– Нет, – сказала Берта, – господа ушли в Оперу.

– Но это ужасно, – произнес мальчик на другом конце провода.

– А в чем, собственно, дело, позвольте спросить?

– А кто у телефона?

– Экономка.

– Толстая Берта? – воскликнул мальчик.

– Ну уж и толстая, – обиделась она, – но Берта, это точно. А с кем имею удовольствие говорить?

– Я друг Кнопки, – представился мальчик.

– Так, – сказала Берта, – и что же прикажешь мне сейчас разбудить ее и спросить, не охота ли ей среди ночи поиграть в футбол?

– Глупости! – строго сказал мальчик. – Имейте в виду, что жених фройляйн Андахт сейчас будет у вас.

– Час от часу не легче! – вскричала Берта, – только гувернантка давно спит.

– Ничего подобного! – закричал мальчик. – Кроме вас в квартире нет ни души.

Толстая Берта вытаращилась на телефонную трубку так, словно хотела проверить, все ли с ней в порядке.

– Что? Андахт и Кнопка не спят? Их нет дома?

– Нет! – крикнул мальчик. – Я вам в другой раз все объясню. Вы совсем одна в доме. Поверьте же мне наконец! Сейчас к вам явится жених, он грабитель. Ключи уже у него. И план квартиры тоже. Он будет с минуты на минуту.

– Ну и дела! И как же мне теперь быть?

– Звоните скорее в полицию. А сами найдите кочергу или что-нибудь в этом роде. И когда жених войдет, тресните его по башке.

– Верно, говоришь сынок!

– Ни пуха ни пера! – крикнул мальчик. – Желаю удачи! И не забудьте позвонить в полицию! До свидания!

Берта, стуча зубами и непрерывно качая головой, все еще топталась на месте. Наконец, страшно взволнованная, она сунулась в дверь детской, а также в дверь фройляйн Андахт. Во всем доме ни души! Ничто не шелохнется. Только Пифке тихонько скулит. Вдруг он выскочил из своей корзинки возле Кнопкиной двери и поплелся за Бертой. Тут уж она взяла себя в руки и позвонила в полицию.

– Все понятно! – сказал ей дежурный. – Сейчас же высылаю людей!

Теперь надо было найти подходящее оружие.

– Этот парнишка плел что-то про кочергу, а где ее взять, когда у нас центральное отопление, – обратилась она к Пифке.

Наконец, в детской она обнаружила две деревянные булавы, с которыми Кнопка занималась гимнастикой. Вооружившись булавой, Берта встала возле входной двери и потушила свет в коридоре.

– В кухне мы свет оставим, – сказала она Пифке. – А не то я промахнусь.

Пифке лежал у ее ног и терпеливо ждал. Он еще не вполне разобрался в происходящем и, лежа, ворчал на собственный хвост.

– Да заткнись ты! – прошептала Берта.

Пифке вообще-то не выносил подобного тона, но тут послушался. Берта же притащила стул и уселась, так как ее вдруг одолела слабость. Сегодня все идет вкривь и вкось! И куда это подевались Кнопка с Андахт? Давно надо было прищемить хвост этой гадине!

Кто-то поднимался по лестнице. Берта встала, взяла булаву наизготовку и затаила дыхание. Этот кто-то стоял под дверью. Пифке поднялся и выгнул спину, ни дать ни взять кот! Шерсть у него стояла дыбом.

Человек за дверью какое-то время провозился с тремя замками: простым, английским и секретным. Наконец дверь открылась. Незнакомец вошел в слабо освещенный коридор. Свет падал только из кухни. Берта взмахнула булавой и огрела мужчину по башке. Он зашатался и рухнул как подкошенный.

– С ним покончено! – сказала Берта Пифке и зажгла свет.

Грабитель был в плаще и надвинутой на глаза кепке. Пифке обнюхал жениха фройляйн Андахт и вдруг, хотя и с некоторым опозданием, расхрабрился и укусил жениха за ногу. Но грабитель лежал на кокосовой циновке, не подавая признаков жизни.

– Скорей бы полиция явилась! – проговорила Берта. Она села на стул, не расставаясь с булавой и не спуская глаз с жениха.

– Хорошо бы его связать, – обратилась она к собаке, – принеси-ка мне из кухни веревку.

Пифке что-то протявкал в ответ. Оба сидели возле взломщика и боялись, что он очнется.

Так и есть! Вот он открыл глаза и сел. Взгляд его понемногу прояснялся.

– Мне очень, очень жаль! – растроганно сказала Берта и второй раз ударила его по голове.

Грабитель вздохнул и снова сник.

– Куда ж это полиция запропастилась! – возмущалась Берта. Однако стражи порядка вскоре явились.

Их было трое и при виде открывшейся им картины, они покатились со смеху.

– Хотела бы я знать, что тут смешного? – закричала толстая Берта. – Свяжите-ка лучше этого типа, а то он сейчас опять очнется.

Полицейские надели на взломщика наручники и обыскали его. Найдены были ключи, план квартиры, связка отмычек и револьвер. Обер-вахмистр забрал все эти вещественные доказательства, а Берта усадила полицейских за стол на кухне, сварила им кофе и попросила подождать возвращения хозяев. Дело в том, что пропали ребенок и гувернантка. Кто знает, что еще сегодня может приключиться!

– Ладно, подождем, только не долго, – согласился обер-вахмистр.

Вскоре завязалась оживленная беседа. Пифке между тем сторожил скованного взломщика и тайком пробовал, каковы на вкус его подошвы.

РАССУЖДЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

О СЛУЧАЙНОСТИ

Если бы в этот вечер не было дождя, толстая Берта вернулась бы домой значительно позже. Если бы толстая Берта вернулась позже, жених мог бы беспрепятственно обворовать квартиру. Она оказалась дома по чистой случайности, и по чистой же случайности кража не удалась. Если бы Гальвани случайно не увидел, как дергаются лапки повешенных им лягушек, не было бы открыто "животное электричество", или было бы, но много позже.

Если бы Наполеон 18 октября 1813 года не был бы так утомлен, он, может статься, и выиграл бы битву под Лейпцигом.

Многие события, сыгравшие решающую роль в развитии человечества, были лишь игрой случая, и все могло быть совсем наоборот или, по крайней мере, как-то иначе.

Случайность – величайшая из великих держав в этом мире.

Некоторые люди говорят не "случай" или "случайность", а "судьба" или "рок". Например, они говорят: "Это сама судьба распорядилась так, что 18 октября 1813 года Наполеон страшно устал и у него ужасно болел живот". Случайность или судьба – это уж дело вкуса.

Моя мама в таких случаях говорит: "Один любит колбасу, а другой – зеленое мыло".

Глава четырнадцатая

ГРЯЗНОЕ ВЕЧЕРНЕЕ ПЛАТЬЕ

На Унтер-ден-Линден перед зданием Оперы директор Погге выскочил из такси и опрометью ринулся в театр. Его супруга сидела в ложе, и прищурив глаза, слушала музыку. Давали "Богему", а это дивная опера. Музыка звучит так, словно дождем сыпятся вкуснейшие в мире конфеты. Партию Рудольфа пел страшно знаменитый тенор, и билеты в ложу стоили бешеных денег. На деньги, уплаченные за два билета, Антон с матерью могли бы прожить целых две недели.

Господин Погге ворвался в ложу. Его жена удивленно раскрыла глаза и глянула на него с истинным возмущением. Он подошел сзади к ее креслу и, вцепившись ей в плечо, пошептал:

– Немедленно выйди!

Она сочла подобное обращение с собой попросту нестерпимым и гневно повернулась к нему. Он стоял в полутьме ложи, мокрый насквозь, в пальто с поднятым воротником и не смотрел на нее.

Она никогда не испытывала особого уважения к мужу, ибо он был слишком добр к ней. Но сейчас она вдруг преисполнилась уважения, а заодно и страха.

– Как это надо понимать? – спросила она.

– Сию же минуту выйди из ложи! – приказал он. И поскольку она все еще медлила, он буквально сорвал ее с кресла и потащил вон из ложи. Ей это показалось чем-то невероятным, но возражать она уже не посмела.

В гардеробе он швырнул ей накидку и затопал ногами от ярости, когда она подошла к зеркалу, так и этак поправляя свою серебряную шляпку. Наконец, он выволок ее из театра. Холлака, шофера, конечно же, не было. Он должен был заехать за ними только к концу спектакля. Господин Погге не отпускал руку жены и тащил ее за собой по лужам. Больше всего на свете ей хотелось разреветься. На углу стояли такси. Он запихал ее в первую машину, сказал шоферу, куда ехать, и сам влез вслед за нею, умудрившись при этом сесть на ее шелковую накидку. Но она даже не решилась сказать ему об этом.

Машина шла очень быстро. Он сидел рядом с женой и нервно шаркал ногами. Вид у него был отсутствующий.

– Боже, мои туфельки! Ботики я забыла в гардеробе.

Он ничего не ответил, глядя перед собой. И как этой особе взбрело в голову ночью, в лохмотьях, притворившись слепой, отправиться с его дочерью просить подаяние? Или эта фройляйн Андахт в дым сумасшедшая?

– Вот мразь! – вырвалось у него.

– Кто? – спросила его жена.

Он молчал.

– Что это все означает? – осведомилась она. – Я сижу в театре, ты являешься, тащишь меня на улицу, под дождь, а спектакль, между прочим, был просто великолепный. И билеты такие дорогие!

– Тихо! – ответил он, глядя в окно.

Возле "Комише Опер" машина остановилась. Они вышли. Фрау Погге в отчаянии взглянула на свои окончательно промокшие туфельки. И как это ее угораздило забыть ботики в гардеробе! Утром надо будет обязательно послать за ними фройляйн Андахт.

– Смотри! – прошептал ее муж, указывая в сторону моста Вейдендамм.

Она увидела вереницы машин, полицейского, велосипедистов, нищенку с ребенком, продавца газет под зонтиком. Мимо проехал автобус номер пять. Она пожала плечами.

Он схватил ее за руку и осторожно повел к мосту.

– Обрати внимание на нищенку с ребенком! – шепотом приказал он ей.

Она пригляделась. Маленькая девочка делала книксен, протягивала прохожим спички, а они давали ей деньги. И вдруг она испуганно взглянула на мужа и спросила:

– Кнопка?

Они подошли еще ближе.

– Кнопка! – выдохнула фрау Погге, не веря своим глазам.

– Мамочка такая молодая, а уже совсем ослепла, – как раз проговорила девочка.

Это и впрямь была Кнопка!

Тут уж фрау Погге со всех ног кинулась к продрогшему ребенку, упала на колени посреди залитого дождем грязного тротуара и обняла дочку.

– Девочка моя! – вскричала она вне себя.

Кнопка перепугалась до смерти. Вот незадача-то! Мама, да еще в этом платье, здесь, сейчас, это же просто скандал! Прохожие остановились, решив, что тут снимается кино. Директор Погге сорвал темные очки с глаз слепой нищенки.

– Фройляйн Андахт! – в ужасе воскликнула фрау Погге.

Андахт смертельно побледнела и в полнейшей растерянности закрыла лицо руками. Подошел полицейский.

– Господин вахмистр! – закричал директор Погге. – Немедленно арестуйте эту особу! Это наша гувернантка! Оказалось, что когда нас нет дома, она ходит сюда попрошайничать и берет с собой нашего ребенка!

Полицейский вытащил записную книжку. Продавец газет под зонтом залился смехом.

– Только не в тюрьму! – взвизгнула фройляйн Андахт, – только не в тюрьму!

Одним прыжком она прорвалась сквозь толпу и как безумная помчалась прочь.

Господин Погге хотел было кинуться вдогонку.

– Пусть себе удирает! – сказал какой-то старик.

Фрау Погге, поднявшись с колен, маленьким кружевным платочком пыталась очистить грязь с шелкового платья. Оно было в ужасающем виде!

В этот момент с другой стороны моста примчался Антон.

– Что тут происходит? – спросил он, положив руку на плечо Кнопки.

– Родители меня застукали, – тихонько сказала Кнопка, – а Андахт дала деру. Это даже к лучшему.

– Тебе влетит? – спросил он обеспокоенно.

– Это еще неизвестно, – пожала плечами Кнопка.

– Помощь нужна? – спросил мальчик.

– Да, – сказала она, – не уходи, мне с тобой спокойнее.

Господин Погге тем временем говорил с полицейским. Жена его все еще возилась со своим платьем. Оно ведь такое дорогое! Люди, собравшиеся вокруг, стали расходиться. Тут фрау Погге подняла глаза от платья и увидела, что ее дочка беседует с каким-то чужим мальчишкой. Она буквально рванула ее к себе.

– Сию минуту иди ко мне! – закричала она, – что за манера вязаться со всяким попрошайкой!

– Ну, это уже слишком! – возмутился Антон. – Я, между прочим, ничем не хуже вас! Чтоб вы знали! И если бы вы, совершенно случайно, не были матерью моей подруги, я бы и вовсе не стал с вами разговаривать! Понятно?

Господин Погге прислушался и подошел поближе.

– Это мой лучший друг, – сказала Кнопка, хватая отца за рукав. – Его зовут Антон и он отличный парень.

– Вот как? – весело проговорил он.

– Отличный парень, это может и чересчур, – скромно сказал Антон, – но обзывать себя я не позволю.

– Моя жена ничего дурного не имела в виду, – вступился за нее директор Погге.

– Надо надеяться, – гордо заявила Кнопка и улыбнулась своему другу. – По-моему, нам пора домой. Как вы считаете? Антон, пойдешь с нами?

Антон отказался. Его ждет мама.

– Тогда приходи завтра, после школы.

– Ладно, – сказал Антон, пожимая девочке руку. – Если твои родители не против.

– Разумеется, приходи! – сказал Кнопкин отец.

Антон слегка поклонился и убежал.

– Он – чистое золото, – глядя ему вслед заметила Кнопка.

Наконец, они сели в такси и поехали домой. Девочка сидела между отцом и матерью, поигрывая в кармане мелочью и спичками.

– Как же это все вышло? – строго спросил отец.

Кнопка пустилась в объяснения.

– У фройляйн Андахт есть жених. Этому жениху постоянно нужны деньги. Вот она и стала водить меня сюда. Мы с ней очень даже неплохо зарабатывали. Честно, я не вру.

– Какой ужас! – воскликнула мать.

– А что тут ужасного? – не поняла Кнопка. – Это было жутко интересно!

Фрау Погге многозначительно взглянула на мужа и, покачав головой, вздохнула:

– Ох, уж эта мне прислуга!

РАССУЖДЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

ОБ УВАЖЕНИИ

В предыдущей главе есть фраза, которая заслуживает того, чтобы мы еще раз к ней вернулись. Там говорится о фрау Погге: "Она никогда не испытывала особого уважения к мужу, ибо он был слишком добр к ней".

Вы спросите: разве можно быть к кому-то слишком добрым? Я полагаю – да. В местах, где я родился, бытует выражение: "худая доброта". Бывают люди, добрые и приветливые со всеми без исключения. А это неверно. И дети первыми чуют, что кто-то чересчур добр к ним. Предположим, дети натворят что-то, что даже по их мнению, заслуживает наказания. А их не накажут. Поначалу они просто удивятся. Но если подобная шалость сойдет им с рук еще раз, они с каждым разом будут все меньше и меньше уважать этого доброго человека.

Уважение штука очень серьезная и важная. Бывают, конечно, дети, которые и сами по себе все делают правильно, но большинство детей этому еще надо научить. И тут им необходимо что-то вроде барометра. Они должны чувствовать: то, что я сделал, плохо, а следовательно, я заслуживаю наказания.

Но если ребенка не наказать или хотя бы не сделать выговора, более того, если за нахальство еще и поощрить шоколадкой, то он непременно подумает: я теперь всегда буду нахальным, ведь за это дают шоколад.

Уважение необходимо и уважаемые люди тоже необходимы, покуда дети, да и взрослые тоже, еще далеки от совершенства.

Глава пятнадцатая

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ТАНЦУЕТ ТАНГО

Когда они вошли в дом, наверху во всю мочь орал патефон.

– Странно! – сказал господин Погге и отпер дверь. И тут же застыл как соляной столб. И жена его тоже. Только Кнопка не особенно удивилась, она была занята беседой с Пифке, выбежавшим навстречу.

В коридоре толстая Берта танцевала танго с полицейским. Второй полицейский стоял возле патефона и крутил ручку.

– О, Берта! – в негодовании воскликнула фрау Погге.

Кнопка подошла к полицейскому, крутившему ручку патефона, сделала книксен и сказала:

– Дамский танец, господин вахмистр.

Полицейский обхватил ее рукой и они протанцевали один круг.

– Ну, довольно! – закричал директор. – Берта, что все это значит? Вы что, обручились с целой ротой полицейских?

– К сожалению, нет, – ответила толстая Берта.

Тут из кухни появился третий полицейский. Фрау Погге простонала:

– Кажется, я сойду с ума.

Кнопка подошла к ней и попросила:

– Да, мамочка, пожалуйста, сойди с ума.

– Да куда ж еще сходить-то? – воскликнула Берта.

Собственно говоря, это было довольно нахальное заявление, но фрау Погге пропустила его мимо ушей, а у господина Погге и без того забот хватало. Наконец, Берта отвела хозяев на кухню. Там сидел человек в плаще и наручниках.

– Вот этот господин собирался нас ограбить, но я слегка стукнула его по кумполу и вызвала полицию. Вот мы, вас дожидаясь, и поплясали чуток.

Человек в наручниках открыл глаза. Взгляд у него был какой-то остекленелый.

– Да это же Роберт-Дьявол! – изумилась Кнопка.

Родители ошалело уставились на нее.

– Кто?

– Жених фройляйн Андахт! Так вот зачем она меня спрашивала, когда у Берты выходной!

– И ради этого человека вы ходили попрошайничать!

– И вот зачем она рисовала план квартиры! – кричала Кнопка.

– План мы у него и вправду обнаружили, – сказал один из полицейских, протягивая удивленному хозяину листок бумаги.

– И как же вы справились с этим типом? – осведомилась фрау Погге.

Толстая Берта взяла булаву и встала возле двери.

– Я вот тут стояла, а когда дверь-то открылась, я его и треснула. Он потом очнулся, а его еще разок по головке-то и погладила. Вот, а потом явились эти три кавалера.

Она показала на полицейских, и они почувствовали себя весьма польщенными.

Хозяин дома покачал головой.

– Что-то я ничего не пойму, – сказал он, – откуда вы знали, что именно грабитель лезет в квартиру? А если бы это я пришел?

– Тогда бы и тебя по головке погладили! – не без удовольствия вставила Кнопка.

Берта принялась объяснять все по порядку.

– Я как домой пришла, а погода на улице – не приведи Господь, так я себе думаю, чего мне под дождем-то разгуливать, ну вот, сижу я на кухне, а тут телефон звонит. И кто-то мне говорит: сейчас к вам придет грабитель, вы, говорит, врежьте ему разок кочергой и позвоните в полицию. Но кочерги-то у нас нету. Вот так все и было.

– Да кто же мог знать, что нас собираются ограбить? Кто вам позвонил? – допытывалась фрау Погге.

– Да это же ясно, как Божий день! – воскликнула Кнопка. – Конечно, это был мой друг Антон!

– Точно! – сказала Берта. – Он хоть и не назвался, но сказал, что он Кнопкин дружок.

– Вот видите! – обрадовалась Кнопка и, заложив руки за спину, гордо прошлась по коридору. – Я же сразу вам сказала – этот парень чистое золото.

– Мне тоже так показалось, – раскуривая сигару пробормотал папа Погге. – Но откуда он узнал?

– Наверное, видел, как фройляйн Андахт дала ключи этому ворюге, – предположила Кнопка.

Роберт-Дьявол злобно заерзал на стуле.

– Так оно и было, – подтвердил он. – Ну погоди у меня, щенок, только попадись мне еще…

– Ну, с этим вам уж точно придется повременить, – заметил вахмистр, – сперва надо будет отсидеть свое.

Кнопка подошла почти вплотную к грабителю.

– Я вам не советую связываться с Антоном! – сказала она. – Он от вас мокрого места не оставит! Готфриду Клеппербейну он так врезал, что тот еле ноги унес.

– В самом деле? – обрадовался господин Погге. – Он и впрямь отличный малый, твой Антон.

Пифке сидел у ног взломщика и грыз его шнурки. У фрау Погге началась мигрень. Лицо ее страдальчески исказилось.

– Слишком много волнений, – пожаловалась она. – Господа, вы не соблаговолите увести отсюда этого грабителя? Он страшно действует мне на нервы.

– Вы мне тоже! – пробурчал Роберт-Дьявол. Вскоре полицейские увели его.

– Берта, милая, – сказала фрау Погге, – уложите ребенка в постель. Я иду спать. Ты скоро, Фриц? Доброй ночи, моя радость. Только не надо больше подобных выходок!

Она звонко чмокнула Кнопку и удалилась в спальню.

Господин Погге вдруг совсем пал духом.

– Берта, – сказал он, – ступайте спать, я сам уложу Кнопку. Вы сегодня просто героиня.

И он во-первых пожал ей руку, а во-вторых вручил ей двадцать марок.

– Премного благодарна, – сказала толстая Берта. – И знаете, если предупреждать заранее, я ничего не имею против грабителей. – С этими словами она ушла к себе.

Господин Погге помог Кнопке умыться, раздеться. Наконец, она улеглась и Пифке тоже забрался в кровать. Отец присел на краешек.

– Луиза, – начал он очень серьезно, – послушай, что я скажу, моя девочка.

Своими маленькими руками она взяла его большую руку и заглянула ему в глаза.

– Ты знаешь, что я очень тебя люблю? – спросил он тихонько. – Но я не могу по-настоящему о тебе заботиться. Я должен зарабатывать деньги. Зачем ты впутываешься в такие истории? Зачем обманываешь

нас? Если я не смогу доверять тебе, у меня не будет ни одной спокойной минуты.

Кнопка погладила его руку.

– Да, я знаю, у тебя совсем нет времени, ведь ты должен работать, – проговорила она. – Но мама-то не работает, а у нее тоже совсем нет на меня времени. Теперь вы возьмете мне новую гувернантку, и что тогда будет, заранее не угадаешь.

– Да, да! – согласился отец. – Ты совершенно права. А ты не хочешь пообещать мне, что впредь всегда будешь говорить правду? Мне было бы спокойнее.

Кнопка улыбнулась отцу.

– Ладно уж, раз тебе так спокойнее.

Он поцеловал ее на ночь. А когда в дверях он еще раз обернулся и хотел уже погасить свет, она сказала:

– Знаешь, директор, а все-таки это было здорово интересно.

Несмотря на множество выпитых таблеток, господин директор Погге провел бессоную ночь.

РАССУЖДЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

О БЛАГОДАРНОСТИ

Толстая Берта вела себя храбро, не правда ли? Вообще-то в круг ее служебных обязанностей не входило бить взломщика по голове, но тем не менее она это сделала. И, значит, заслуживает благодарности. А что

же делает фрау Погге, вместо того, чтобы поблагодарить Берту? Она идет спать!

А вот господин Погге – совсем другое дело. Он сперва пожал Берте руку, и только потом дал ей двадцать марок. Кто-то, вероятно, ограничился бы рукопожатием, даже имея деньги. А кто-то, возможно, дал бы только двадцать марок, даже имея руку. У господина Погге было и то и другое, и сделал он тоже и то и другое. Он сначала пожал толстой девушке руку, а потом дал ей деньги. На мой взгляд очередность была соблюдена абсолютно верно! А ведь он мог бы сперва дать ей деньги, а потом пожать руку и сказать: "Примите заодно и мою благодарность".

Нет, он все сделал совершенно правильно. Вел себя безукоризненно.

Чем дольше я знаю господина Погге, тем больше он мне нравится. От главы к главе он делается все симпатичнее, и уж тем более в последней главе, которая сейчас и последует.

Глава шестнадцатая

ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ

Когда на другой день Кнопка вышла из школы, у ворот, вопреки обыкновению, опять стояла машина. Но на сей раз кроме шофера Холлака там сидел и ее отец. И махал ей рукой. Подружки Кнопки позеленели от злости. Опять не удастся прокатиться!

Кнопка поздоровалась с шофером и села в машину.

– Случилось что-нибудь? – испуганно спросила она.

– Нет, – ответил отец, – просто у меня есть немного свободного времени.

– Что у тебя есть? – переспросила Кнопка, глядя на отца так, словно у него вдруг выросла окладистая борода. – Время?

Дочкин вопрос поверг господина Погге в подлинное смущение.

– Ну да, – пробормотал он. – Не задавай дурацких вопросов. У людей иногда находится время.

– Вот это да! – воскликнула Кнопка. – Может, поедем в Шарлоттенхоф поесть пирожных со взбитыми сливками?

– А может, для начала, заедем за Антоном?

Кнопка бросилась отцу на шею и поцелуй ее был громким, как пушечный выстрел. Они мгновенно доехали до школы, где учился Антон, и к тому же очень вовремя. Антон чуть не упал, увидав красивую машину, где его дожидались Кнопка и ее отец. Кнопка приветствовала друга взмахом руки, ее отец пожал Антону руку и сказал, что он молодчина. Здорово обтяпал эту историю с Робертом-Дьяволом.

– Многоуважаемый господин Погге, – сказал Антон, – но тут ведь все было очевидно.

А потом он сидел рядом с господином Холлаком и тот иногда позволял ему нажать на педаль газа. И еще он следил за дорожными указателями! Это было чудесно! Кнопка схватила отца за ухо, притянула к себе и прошептала:

– Знаешь, директор, этот парень даже готовить может.

– А чего он не может? – спросил господин Погге.

– Антон? Антон может все! – сказала она гордо.

И хотя Антон все мог, они, тем не менее, поехали в Шарлоттенхоф и ели там пирожные со взбитыми сливками. Даже господин Погге съел одно, несмотря на то, что врач строго-настрого запретил ему именно пирожные со взбитыми сливками. Потом они втроем играли в прятки, чтобы Кнопкин папа немного похудел. Потому что в последнее время у него выросло брюшко. Наконец, Антон сказал, что ему пора домой, но директор его успокоил, сообщив что уже обо всем уведомил мать Антона.

– Господин Бремзер сегодня опять ругался? – спросила Кнопка.

– Нет, – сказал Антон, – он что-то в последнее время так мил со мной, даже приглашал к себе на чашку кофе.

– Вот видишь, – очень спокойно сказала Кнопка. Но под столом сама себя ущипнула за ногу. От удовольствия.

К обеду они сильно опоздали. Фрау Погге была глубоко оскорблена. Но они, все трое, были так довольны, что даже этого не заметили. Фрау Погге оскорбилась еще больше. Она даже есть не могла, боялась лопнуть от злости.

– Интересно, где скрывается фройляйн Андахт? – сказал добросердечный Антон.

Фрау Погге таких вопросов просто не понимала.

– Где же мы теперь найдем надежную гувернантку?

Господина Погге вдруг осенило. Он отвел Кнопку в сторону, пошептался с ней, а затем сказал:

– Я скоро вернусь.

Остальные без лишних разговоров докончили обед. Затем дети помчались в комнату Кнопки, где их в крайнем нетерпении дожидался Пифке.

Антона усадили на стул, а Кнопка с Пифке разыграли перед ним сказку о Красной Шапочке. Пифке отлично знал свою роль. Но и на этот раз ни за что не желал сожрать Кнопку.

– Может станет постарше на годик-другой и научится, – предположила Кнопка.

Антон заявил, что спектакль, несмотря ни на что, был прекрасный. Он аплодировал, как в театре. Кнопка без конца кланялась и посылала в публику воздушные поцелуи, а Пифке лаял, пока не получил кусок сахара.

– А теперь во что будем играть? – спросила Кнопка. – Я предлагаю в горбатого портного и его сына. Или в дочки-матери. Пифке будет дочкой! Нет, лучше будем играть в грабителей! Ты будешь Роберт-Дьявол, а я – толстая Берта. Когда ты войдешь, я тресну тебя булавой по башке.

– А кто будет тремя полицейскими? – спросил Антон.

– Я! Я буду и Бертой и тремя полицейскими.

– Но не можешь же ты сама с собой танцевать! – решил дело Антон. Опять ничего не вышло.

– Придумал! Придумал! – закричал Антон. – Будем играть в открытие Америки. Чур, я Колумб!

– Здорово! – восхитилась Кнопка. – Ты – Колумб, а я – Америка. А Пифке – яйцо.

– Кто?

– Яйцо, – повторила Кнопка, – Колумбово яйцо.

Антон ничего не знал о Колумбовом яйце, они в школе этого еще не проходили.

– Идея! – воскликнул он. – Давай как будто мы на лодке плывем через океан.

Они в два счета освободили стол, перевернули его ножками кверху. Это была лодка. И покуда Антон сооружал из скатерти парус, Кнопка сбегала в кладовую и принесла дорожные припасы: банку мармелада, коробочку масла, кучу ножей и вилок, а еще два фунта картошки, миску грушевого компота и половину толстого батона копченой колбасы. Дети сложили провиант в лодку. И там еще осталось место для них самих и собаки. Возле стола поставили таз с водой. И пока они плыли через океан, Кнопка баламутила воду в тазу и приговаривала: океан ужасно холодный. Посреди океана Антон вдруг вылез из лодки, принес соль и посолил воду в тазу.

– Морская вода всегда соленая! – заявил он.

Потом начался штиль. Он длился целых три недели. Антон, правда, греб, выбиваясь из сил, при помощи двух тросточек господина Погге, но все равно, они почти не двигались с места. Он, Кнопка и Пифке съели всю колбасу и Кнопка доложила капитану:

– Наши припасы кончаются!

– Ничего, выдержим! – успокоил ее капитан. – Ведь там нас ждет Рио-де-Жанейро! – И он указал на кровать.

– Слава Богу, – облегченно вздохнула Кнопка, – а то я умерла бы с голоду.

Надо заметить, что после обеда и копченой колбасы она была сыта до дурноты.

– А сейчас начнется ужасный шторм! – возвестил Антон, вылез и принялся раскачивать стол.

– Тонем! Спасите! – отчаянно завопила Кнопка.

Она выбросила за борт два фунта картошки, чтобы избавиться от лишнего груза. Но Антон и шторм не унимались. Кнопка схватилась за живот и простонала:

– У меня началась морская болезнь!

А так как волны были высотой с дом, Пифке от испуга угодил лапами в миску с грушевым компотом, брызги полетели во все стороны. Антон же теперь был ветром и завывал, что было мочи.

Наконец, непогода улеглась, мальчик придвинул стол к кровати и они сошли на берег в Рио-де-Жанейро. Тамошние жители сердечно приветствовали отважных мореходов. Всех троих беспрерывно фотографировали. Пифке улегся и с восторгом вылизывал свою липкую шерсть. У нее был вкус грушевого компота.

– Большое спасибо за дружескую встречу, – сказала Кнопка, обращаясь к местным жителям. – Это было время, полное лишений, но мы всегда будем с радостью вспоминать его. К сожалению, мои вещи утонули и домой я поеду на поезде. Береженого Бог бережет!

– Я Антонио Гастильоне, обер-бургомистр Рио-де-Жанейро! – проревел Антон. – Добро пожаловать в наш город, я приглашаю вас и

меня погостить у нас, а также объявляю вас и вашу собаку чемпионами мира по переплытию океанов!

– От всей души благодарю вас, – подхватила Кнопка. – Мы всегда будем высоко держать наш кубок! – С этими словами она взяла в лодке баночку с маслом и с видом знатока заметила:

– Настоящее серебро, как минимум десять тысяч карат.

Вдруг дверь открылась и в детскую вошла мать Антона. Тут уж восторгам не было конца!

– Господин Погге заехал за мной на машине, – сообщила она. – Но что тут у вас творится?

– Мы только что переплыли океан, – гордо ответила Кнопка.

Втроем они взялись за уборку. Пифке намеревался, уже по доброй воле, угодить лапами в грушевый компот, но мать Антона ему в этом наотрез отказала.

А господин Погге тем временем завел с женой серьезный разговор.

– Я хочу, чтобы Кнопка выросла порядочным человеком, – сказал он, – какая-нибудь фройляйн Андахт в моем доме больше не появится. И чванливую гусыню сделать из девочки я тоже не дам. Кнопка должна знать жизнь без всяких прикрас. Она сама выбрала себе друзей и я одобряю этот выбор! Если бы ты больше заботилась о своем ребенке, все, вероятно, было бы иначе. Но теперь будет так, как я решил. И никаких возражений! Я и так слишком долго одобрял все и всех! Теперь будет по-другому.

У фрау Погге в глазах стояли слезы.

– Ну хорошо, Фриц! Раз ты так решил… – проговорила она, утирая глаза платочком. – По-видимому, ты прав, только не надо так сердиться.

Он поцеловал ее. Потом привел к ней мать Антона и спросил, как им нравится его план. Фрау Гаст была растрогана и сказала, если фрау Погге не возражает, она с радостью согласится. Это же просто счастье!

– Дети, прошу внимания! – крикнул господин Погге. – Внимание, внимание! Мать Антона сегодня же переедет в комнату фройляйн Андахт. Мальчика мы поселим в комнату с зелеными обоями, и впредь будем жить все вместе. Понятно?

Антон не проронил ни слова. Он только пожал руку господину Погге и его жене. Потом обнял свою маму и прошептал:

– Теперь нам будет немножко легче жить, да?

– Да, мой хороший, – подтвердила она.

Потом Антон опять подсел к Кнопке и она, сама не своя от радости, надрала ему уши. Пифке радостно семенил по комнате. Вид у него был такой, словно он про себя чему-то усмехается.

– Ну, девочка моя, ты все это одобряешь? – спросил господин Погге и погладил дочку по голове. – А на летние каникулы мы вместе с фрау Гаст и Антоном поедем к Балтийскому морю.

Кнопка пулей вылетела из комнаты и вскоре вернулась, держа в одной руке коробку с сигарами, а в другой спички.

– Это тебе в награду, – сказала она.

Отец сунул сигару в рот, раскурил, упоенно крякнул, выпустив первое облачко дыма, и произнес:

– Видит Бог, я это заслужил.

РАССУЖДЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

О СЧАСТЛИВОМ КОНЦЕ

На этом история могла бы и закончиться. Что ж, конец правильный и счастливый. Каждый получил то, что ему причитается, и мы можем, доверившись будущему, спокойно оставить героев на произвол судьбы. Жених фройляйн Андахт сидит в тюрьме, Антон и его мать сидят дома, довольные и счастливые, Кнопка сидит рядом со своим Антоном, а фройляйн Андахт сидит в луже. Каждый получил возможность сесть на уготованное ему место. Судьба распорядилась по справедливости.

Из этого вы могли бы, пожалуй, заключить, что в жизни все завершается так же счастливо и справедливо, как в нашей книге. И это было бы роковым заблуждением! Так должно быть, и все разумные люди прилагают массу усилий к тому, чтобы так оно и было. Но пока это не так. Увы, не так.

У нас в классе был один мальчик, он регулярно списывал у своего соседа по парте. И вы думаете, он был наказан? Ничуть не бывало, наказали именно его соседа, у которого он списывал. И потому не слишком удивляйтесь, если однажды жизнь накажет вас, тогда как виноваты будут другие. Но увидите, если вы сами окажетесь на высоте, дальше все пойдет куда лучше! Нашему поколению это не вполне удалось. Будьте порядочнее, честнее, справедливее и разумнее, чем было большинство из нас!

Земля, вероятно, была когда-то раем. Возможно все!

Земля могла бы снова стать раем. Все возможно!

МАЛЕНЬКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

И хотя история Кнопки, Антона и Пифке подошла к концу, мне все-таки не дает покоя одна мелочь.

А именно: что если дети, читавшие мою книжку, "Эмиль и сыщики", скажут: "Мил человек, да ведь ваш Антон – точная копия вашего Эмиля. Почему в новой книжке вы не написали про какого-нибудь совсем другого мальчика?"

И поскольку вопрос вполне правомочный, мне хотелось бы ответить на него, прежде чем поставить последнюю точку. Я рассказал вам об Антоне, хоть он и смахивает на Эмиля Тышбайна, потому что я верю: о мальчиках такого рода можно рассказывать сколько угодно, но в жизни, увы, не бывает сколько угодно Эмилей и Антонов.

Быть может, вы решили стать такими, как они? Быть может, если они вам полюбились, вы и впрямь станете такими, как эти ребята? Такими же прилежными, такими же порядочными, такими же храбрыми и честными?

Для меня это было бы лучшей наградой. Потому что из Эмиля, Антона и всех, кто похож на них, впоследствии выходят очень дельные люди. Как раз такие, какие нам нужны.

Примечания

1

Лампа для загара

2

Цеппелин, Фердинанд (1838–1917) – конструктор дирижаблей.

3

Герой одноименной оперы Дж. Мейербера (1791–1864).